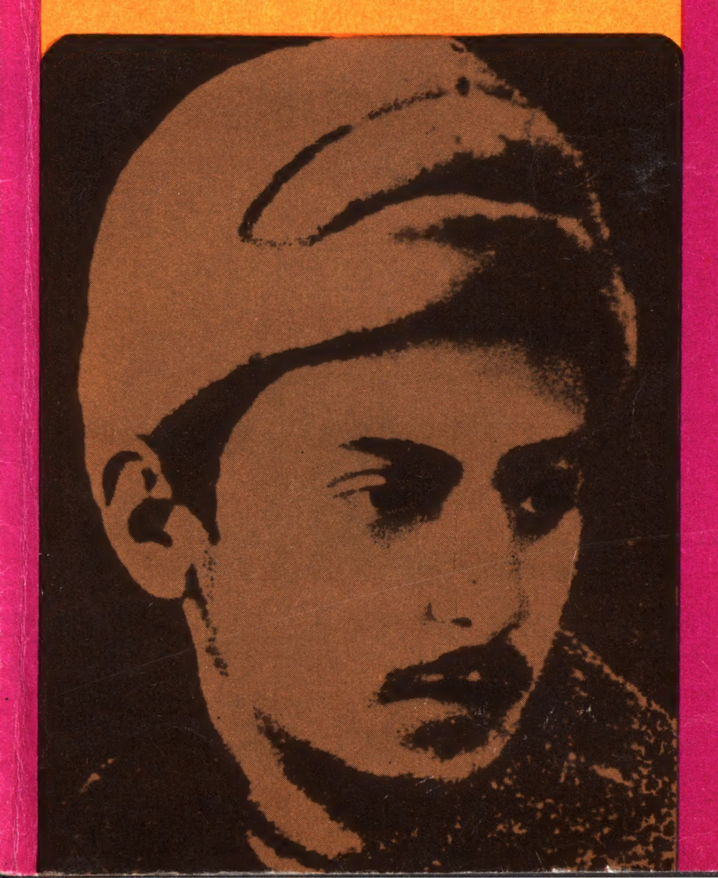
Когда им было двадцать

Лев Гурвич

Орион Алексакис

Когда им было двадцать

Лев Гурвич

Орион Алексакис

Москва
Издательство политической литературы
1977

9(С)22

Г95

Гурвич Л. М.

Г95 Орион Алексакис. М., Политиздат, 1977.

119 с. (Когда им было двадцать).

Эта книга — первая об Орионе Алексакисе, герое гражданской войны. В 17 лет вступив в партию, Алексакис всю свою недолгую, но богатую событиями жизнь посвятил делу революции и погиб как ее солдат.

Автор книги — журналист Л. М. Гурвич разыскал в партийных архивах уникальные материалы, касающиеся и жизни героя повести, и неповторимого времени первых лет революции.

Г $\frac{10604-031}{079(02)-77}$ 334—77 **9(С)22**

Несколько строк вместо вступления

Есть люди долгой жизни. Годами они накапливают знания, опыт, мудрость и расходуют свои силы, чувства, талант на протяжении многих лет. Но история хранит память и о тех, чья жизнь похожа на мгновенный бурный всплеск.

Жизнь Ориона Алексакиса оборвалась в октябре 1920 года. Ему едва исполнился 21 год.

Его короткая биография вместила столько событий, что их с избытком хватило бы на несколько жизней. Стремительность и насыщенность ее поразительны. В восемнадцать лет Алексакис — член Киевского комитета партии, ранен в боях за «Арсенал», один из руководителей революционного Севастополя, этого «Кронштадта юга», делегат IV Чрезвычайного съезда Советов, участник боев с немцами, представитель ЦК РКП(б) в Вятке. И все — за один год!

Молодость — спутник революции. История первых лет Октября знает немало ровесников Алексакиса, чье возмужание и вхождение в революционную борьбу также начинались необычайно рано. Нередко с

пятнадцати-шестнадцати лет. В этом смысле Алексакис не исключение.

Семнадцати лет Орион Алексакис стал большевиком и с той поры руководствовался только одной целью: все — для победы революции. Жил ее радостями и бедами, пропускал их через свое сердце, и это было так же естественно, как сама жизнь.

Но чтобы стать вожаком масс, нужны еще яркая индивидуальность, одаренность, особый сплав человеческих качеств, без которых нет подлинного руководителя. Вожаками становились, выдвигались, росли наиболее талантливые, самоотверженные, идейно убежденные. Один из них — Орион Алексакис.

Не случайно его имя было названо на III конгрессе Коммунистического Интернационала в одном ряду с именами Джона Рида, Инессы Арманд и других выдающихся борцов революции.

Эта книга — результат длительного и нелегкого поиска. Документы тех лет, отражающие бурные революционные события, чаще всего лаконичны и скупы, в них почти отсутствуют детали, столь важные теперь. Они нередко обрывочны, противоречивы, запутаны, неточны. Многое не фиксировалось, многие архивы вообще не сохранились. Не раз пишущему эти строки казалось, что вряд ли он сумеет довести до конца начатый поиск. И все же, исследовав сотни папок в фондах центральных и местных архи-

вов, в которых можно было предположить хоть малейшие сведения об О. Алексакисе, изучив десятки комплектов газет и журналов первых лет революции и историческую литературу, прослеживая жизненные пути близких Алексакису людей, побывав на местах событий, автору удалось разыскать более двухсот документов, непосредственно связанных с личностью героя и его деятельностью. Они легли в основу книги, дали возможность рассказать о многих эпизодах его жизни.

Автор приносит глубокую благодарность работникам Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Центрального государственного архива Октябрьской революции СССР, Центрального государственного архива Советской Армии, Государственной публичной исторической библиотеки РСФСР, Центрального архива Октябрьской революции УССР, партархивов Крымского и Харьковского обкомов КПУ, Владимирского и Кировского обкомов КПСС, а также всем тем, кто помнит О. Алексакиса и рассказал о нем.

Первые страницы жизни

Сразу за городской заставой Севастополя начинался длинный — около семи верст — подъем в гору. Скучный и унылый, не на чем глазу отдохнуть. Но стоило достичь вершины, и все вокруг преображалось. Исчезала выжженная беспощадным солнцем степь. Впереди, в прозрачной дымке, четко вырисовывались контуры гор, растянувшихся от едва видного Чатырдага к нависшему над морем мысу Айя. Дорога уходила дальше, к Байдарам и Ялте. А вправо, в охваченной гористыми холмами долине, почти сразу за небольшой деревенькой, на обращенном к морю склоне горы, открывалась Балаклава, «заштатный город Ялтинского уезда Таврической губернии, V участок Севастопольского градоначальства». В конце прошлого столетия городок насчитывал немногим более двух тысяч жителей.

Гордость Балаклавы — ее бухта. Охваченная плотным кольцом гор, с незапамятных времен служила она надежным прибежищем для кораблей в любые штормы.

Здесь никогда волн, ни великих ни малых
Нет; здесь равниною гладкой море сияет...

— рассказывал легендарный Одиссей царю Алкиною о поразившей его своей красотой бухте.

Над городком в густой синеве неба рельефно вычертились развалины старинной крепости, построенной генуэзцами в XV веке и разрушенной спустя полтора столетия завоевавшими Крым турками.

Белеющие среди зелени домики, кофейни и гостиницы на набережной, пирамидальные тополи придавали Балаклаве нарядный и беззаботный вид. Но это было обманчивым. Городок жил напряженной трудовой жизнью. Наготове держали рыбаки свои баркасы, в любое время дня дежурили на высоких утесах мальчишки, чтобы не прозевать начинающийся ход рыбы. Растянутые на просушку сети, проникающий повсюду запах рыбы. Чуть ли не в каждом доме ее мариновали, сушили и вялили. Балык — по-татарски рыба, юва — гнездо. Говорят, название Балаклавы сложилось из этих двух слов: рыбье гнездо.

В 80-х годах прошлого столетия поселился в Балаклаве молодой грек Афанасий Христопуло. Здесь, в Балаклаве, старшая дочь Афанасия вышла замуж за Христофора Алексакиса.

Первый ребенок в семье Христофора родился в июле 1899 года. Назвать его решили Орионом.

Детство Ориона, как у всех балаклавских мальчишек, прошло у моря: далекие заплывы, прыжки в воду с прибрежных скал, выходы в открытое море на веслах и

под парусом, рыбная ловля. Постоянное желание не отстать от сверстников, испытать себя на смелом и трудном.

Дома журила мать:

— Опять далеко заплываешь! Выдохнешься, сил не хватит...

Вмешивался дед:

— Мальчик не должен бояться моря.

Орион молчал. Он нежно любил мать и не хотел ей возражать. Но все оставалось по-прежнему.

Дед Афанасий Христопуло знал множество народных греческих преданий и легенд и вечерами рассказывал их детям. Образы героев древней Эллады, борьба греков с иноземными поработителями глубоко запали в память Ориона.

— Греческие пастухи,—рассказывал дед Афанасий,— совершали смелые набеги, уничтожали захватчиков из засад и в открытом бою. Враги прозвали их клефтами, разбойниками, думали унизить их этим. Но вышло по-иному. Партизаны с гордостью сами себя называли клефтами. Здороваясь, клефты говорили друг другу не «Добрый день», а «Доброй пули»...

— Почему, дедушка?

— Они желали, чтобы пуля убила или врага наповал или самого клефта, если ему грозил плен. «От пули смерть сладка, друзья, сладка отвага боя, того, кто в битве смерть найдет, прославят как героя»,— пели клефты в своих песнях.

Мальчик рос пытливым и любознательным. В Балаклаве доживали свой век вете-

раны батальона, созданного еще в XVIII веке, в екатерининские времена. Они помнили дни обороны Севастополя и охотно вспоминали старину.

— Слушай, внук Христопуло,— говорил Ориону глубокий старик, дед Кирилл, живший по соседству.— Никто не ожидал, что французы и англичане нападут на Балаклаву. Войско в Севастополе, а здесь только наш батальон. Восемьдесят человек да четыре старые пушки. А вошел в бухту целый флот, кораблей двадцать, может, и больше, уж не знаю точно, и сразу стали высаживать десант. Мы поднялись наверх, в крепость, и оттуда обстреливали пехоту и корабли. Много раз их десант ходил в атаку, но ничего не добился. Жаркое дело было, мальчик...

— А потом что?

— Кончились патроны и снаряды, нечем стрелять. Пришлось нам сдаться. Английский адмирал приказал построить тех, кто еще мог на ногах стоять. «Неужели вы хотели остановить целую армию?» — с уважением спросил, видел нашу храбрость. За всех ответил балаклавский рыбак: «Мы думали лишь о том, чтобы исполнить свой долг». Запомни это.

Орион запомнил.

Читать и писать он выучился почти одновременно по-русски и по-гречески, оба языка были одинаково родными. Книги стали вытеснять ребячьи забавы. Мальчик так

увлекался чтением, что мать и дед нередко беспокоились:

— Сколько можно? Пойди к ребятам, побегай, поиграй.

На десятом году жизни Орион стал учеником Севастопольской мужской гимназии. Жил на квартире у знакомых деда и в Балаклаве бывал только по воскресеньям. Учился хорошо.

Иностранные языки, особенно французский, давались легко. Быстро овладел разговорной речью и читал в подлинниках французских писателей.

Соученик Алексакиса, ныне доктор биологических наук Б. Н. Алешин, рассказывал, что основные интересы Алексакиса лежали вне гимназии: «Наша жизнь протекала куда интереснее за ее пределами».

«К нам приходили товарищи и подруги,— вспоминает тетя Ориона Елена Афанасьевна Христопуло-Перепелкина о севастопольских годах жизни Ориона.— Играли на мандолине и балалайке, пели романсы, народные песни, подражали знаменитой певице Вяльцевой. Орион любил петь, увлекался декламацией. Стихи читал пылко, звонко. Орион был гордым юношей, но его гордость не отталкивала, а, наоборот, привлекала к нему друзей. Он легко сближался с людьми, характер у него был открытый, веселый, жизнерадостный. Но — вспыльчивый. Очень вспыльчивый. Эту черту он унаследовал от деда и так же, как дед, легко отходил».

Тоненькие книжки в броских обложках с описаниями подвигов Ника Картера и Ната Пинкертона оживленно обсуждались гимназистами. Отдал им дань и Орион. Но интерес к подобного рода чтению быстро остыл. Орион с жадностью стал поглощать произведения русских и западноевропейских классиков, жизнеописания великих людей, книги по истории культуры. День, прожитый без новой книги, казался потерянным.

Неподалеку от Алексакисов жил Михаил Николаевич Тригони, бывший народоволец, участник покушения на императора Александра II. Друг и соратник Желябова, Тригони отбыл двадцать лет заключения в Шлиссельбургской крепости, затем был сослан на Сахалин и лишь после революции пятого года поселился в Балаклаве. Его рассказы о самоотверженности и любви к народу Желябова, Перовской вызывали горячее сочувствие у впечатлительного подростка.

На четырнадцатом году жизни Орион познакомился с нелегальной литературой. «С 1913 года принимал участие в кружках учащихся, рабочих и матросов»,— ответил он впоследствии на анкетный вопрос об участии в революционной деятельности до 1917 года.

Орион любил приезжать в дом деда по воскресеньям. Поздними вечерами он выходил на галерейку, опоясывавшую дом, и подолгу стоял, охваченный тишиной. А. И. Куприн писал, что нигде во всей России не ощу-

щается такой полной, совершенной тишины, как в Балаклаве: «Черное небо, черная вода в заливе, черные горы. Вода так густа, так тяжела и так спокойна, что звезды отражаются в ней, не рябясь и не мигая. Тишина не нарушается ни одним звуком человеческого жилья. Изредка, раз в минуту, едва расслышишь, как хлюпнет маленькая волна о камень набережной. И этот одинокий мелодичный звук еще больше углубляет, еще больше настораживает тишину... Чувствуешь, как ночь и молчание слились в одном черном объятии».

Тишина настраивала на мечтательный лад. Смутные мысли о девушках, мимолетные встречи с которыми волновали его, сменялись раздумьями об окружающем мире, о будущей жизни.

«Мир незыблем»,— утверждали вокруг. Вот так и будут стоять веками развалины крепости и отроги гор, крохотный городок. Извечен тяжкий труд рыбаков, традиционна праздная жизнь богатых бездельников. Человеческое горе, беды, неравенство... Когда они исчезнут? Люди достойны лучшего. Но что может и должен сделать он?

Мысли волновали, будоражили, и тишина балаклавской ночи уже не казалась такой полной.

Орион возвращался в Севастополь с радостью. Он полюбил его бухты и памятники, полуденный выстрел из пушки, дома из белого инкерманского камня, оживленные бульвары. Аккуратные домики с увитыми виноградом оградами в Крепостном переул-

ке и квадратные амбразуры 6-го бастиона, звонко взбегающие на холмы маленькие вагончики трамвая, широкие лестницы, соединявшие уступы, по которым расположились улицы. Деревянный цирк Труцци и театр, в котором шли «Дети Ванюшина» Найденова и «Орленок» Ростана...

Начавшаяся мировая война наложила печать на всю окружавшую жизнь. Поражения царских армий на фронтах, разруха и спекуляция в тылу резко изменили обстановку и в Севастополе. Не только среди моряков, но и «среди широких кругов населения,— докладывало в Петроград севастопольское жандармское управление,— замечается сильное возбуждение. Раньше недовольство и злоба населения переносились исключительно на торговцев, теперь все это переносится на правительство».

В феврале 1916 года петроградская охранка перехватила крамольное письмо, адресованное Алексакису для передачи лицу, которое, как и автор письма, было полиции неизвестно. «Наше сегодня,— говорилось в этом письме,— мировая война. Революция будет, и будет она теперь... теперь должен произойти переворот в России».

Департамент полиции направил копию письма в министерство внутренних дел. Распоряжение последовало немедленно: «Установить наблюдение за этой перепиской и послать для разработки по принадлежности», то есть в Севастополь.

В результате в «Списке лиц, проходящих по наружному наблюдению в г. Севастополе

и Ялте за март 1916 года» появился «Алексакис Орион, ученик 7-го класса Севастопольской мужской гимназии, 16 лет, с присвоением ему клички Карандаш». В графе «Когда и почему вошел в сферу наблюдения» указали: «22 февраля с. г., по совершенно секретным сведениям, предписание департамента полиции от 6 февраля с. г. за № 101151».

Филерам удалось «засечь» две встречи Ориона с подозрительными людьми, но установить, кто они, сыщики не смогли. Во всяком случае, других документов в жандармском архиве об этих встречах нет. Но из воспоминаний соратников Алексакиса, организаторов движения севастопольской молодежи, ясно, что, еще учась в гимназии, Алексакис организовал кружок по изучению марксизма и руководил им.

Интересы Ориона были многогранны, и жажда знаний заставляла юношу проводить долгие часы в городской библиотеке. Все его привлекало, все было интересно: книги по истории и философии, художественная литература, трактаты по политической экономии. Ему удалось раздобыть и «Капитал» Маркса.

Вожак севастопольской молодежи

Получив первые вести о революционных событиях в Петрограде, адмирал Колчак попытался выиграть время и скрыть

их. По его распоряжению военная цензура запретила публикацию всех сообщений из Петрограда, и в «Крымском вестнике» вместо телеграмм под привычным заголовком «Вести из столицы» появились просто белые пятна.

Одновременно Колчак назначил внеочередные учебные стрельбы и под этим предлогом отправил в море корабли с ненадежными командами.

Но замолчать революцию было невозможно. Слухи о событиях в Петрограде быстро распространились по городу. На Приморском бульваре и Нахимовском проспекте собирались группы горожан. Нарушая строжайшие запреты военного начальства, к ним присоединялись солдаты и матросы оставшихся в порту кораблей и береговой охраны. Орион переходил от группы к группе, жадно слушал ораторов, их призывы к поддержке петроградцев, поздравления с падением самодержавия.

Митинги в городе не прекращались. Стало известно о создании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, образовании Временного правительства. Организовался Совет рабочих депутатов и в Севастополе. Следом моряки создали комитет депутатов Черноморского флота — Центрофлот.

Возникли многочисленные партии, союзы, общества. И все они обещали народу счастливую жизнь. Эсеры и меньшевики захватили руководство в Совете и Центрофлоте.

Увлеченные общим потоком, создали свой союз и учащиеся. Алексакиса вскоре избрали членом комитета, а затем и заместителем председателя союза. У него сразу возникли разногласия с председателем Владимиром Петровским.

— Наше знамя должно быть зеленого цвета,— предложил Петровский.— Это цвет надежды, цвет молодости.

— Красный,— возразил Алексакис,— цвет революции. И мы должны иметь революционное знамя.

Спор шел о главном: звать ли молодежь к участию в революции или уводить ее в сторону.

Теперь, когда революция стала явью, Алексакис твердо решил, что борьба за людское счастье, за социализм должна стать целью и содержанием его жизни.

Социалистическими именовали себя многие партии. Потоками цветистых фраз и заманчивых обещаний меньшевики и эсеры пытались увлечь неискушенных в политике моряков Черноморского флота, солдат гарнизона и рабочих города. Весной 1917 года в Севастополе насчитывалось более пяти тысяч меньшевиков и около тридцати тысяч эсеров. Однако Алексакис уже выбрал свой путь — он стал большевиком. Одним из крохотной горстки.

После Февраля несколько большевиков-матросов поначалу вошли в объединенную РСДРП, образовав в ней свою фракцию. Временный союз был разорван, как только стали известны Апрельские тезисы Ленина,

его призыв превратить революцию в социалистическую. На собрании объединенной организации, вспоминает матрос-большевик Кирьян, мы подняли вопрос, чтобы была разобрана статья В. И. Ленина. Пескин, лидер меньшевиков, сказал несколько резких слов по адресу Владимира Ильича и заявил, что комитет не считает нужным это обсуждать. Фракция большевиков подняла шум и потребовала поставить вопрос на обсуждение собрания. Пескин снова заявил об отказе. Тогда большевики поднялись с мест и демонстративно ушли с собрания. Спустясь с лестницы, мы тут же решили устроить несколько своих пропагандистских собраний. Помещение достал тов. Алексакис на Севастопольской улице, в одной из школ.

Таково первое упоминание об участии Алексакиса в партийной жизни. Оно относится к концу апреля или началу мая.

Власть, денежные средства, газеты, клубы, опытные ораторы — все это было у меньшевиков и эсеров. Их влияние усиливалось частыми приездами из Петрограда видных сторонников Временного правительства. Большевистскую литературу в город не пропускали, ее удавалось доставлять лишь с помощью всяческих ухищрений. Большевиков травили, объявляли изменниками, предателями, немецкими шпионами. Требовалось огромное мужество, чтобы вести борьбу в подобной обстановке.

Одним из первых севастопольских большевиков был Иван Андреевич Назукин, мат-

рос подводной лодки «Судак». Открытый характер и прямота суждений привлекли к нему симпатии Ориона. Иван Андреевич рассказывал юноше, как еще на своей родине, в Пермской губернии, он познакомился с революционными идеями, как стал большевиком, уже служа во флоте. Между бывшим кузнецом, человеком с немалым жизненным опытом, и еще совсем юным Орионом возникла крепкая дружба. Назукин глубоко уважал начитанность и знания Алексакиса, частенько обращался к нему за советом. Они понимали друг друга с полуслова, откровенно делились мыслями, планами, сомнениями.

— Теперь все кричат, что они социалисты,— сердито говорил Назукин Ориону.— Даже жена царского прокурора читает лекции о социализме. Для женщин. А потом показывает, как печь пироги по особому рецепту. О том же, как ее муженек упекал моряков на каторгу,— молчок.

База подводных лодок находилась в Балаклаве. Назукин как-то сказал Ориону, что не худо бы иметь специальное помещение, где можно вести большевистскую агитацию.

— Читальню! — загорелся Алексакис.

В одно из воскресений он обратился к деду:

— Позволь ребятам собираться у нас, книжки читать...

— Разве мало читален в Севастополе?—

хитро прищурился Афанасий Христопуло.— И в Балаклаве ведь есть: на Набережной.

— Понимаешь, там... Там не такие книги.

Дед сразу понял, о каких книгах идет речь:

— Большевики?

— Да,— глядя ему прямо в глаза, ответил Орион.

Назукин стал организатором читальни в выделенной дедом комнате, а помогать ему охотно взялась тетка Ориона Елена Афанасьевна. Была она старше Ориона всего на два года.

День ото дня все резче становились споры в Союзе молодежи. Петровский и его сторонники стремились отвлечь молодежь от политической жизни. Они устраивали балы-маскарады с лотереями-аллегри, лекции нейтрально-просветительного содержания, диспуты о любви и проблемах пола.

Орион последовательно вел свою линию:

— Для отправки на фронт молодежь подготовлена, а для высказывания своего отношения к войне не готова?! Люди будут гибнуть, а мы балы-маскарады устраиваем!

Петровский ратовал за «внеклассовый состав союза», в котором, мол, следует объединяться лишь по возрастному признаку.

На деле это неизбежно уводило рабочую молодежь от защиты своих интересов, от участия в общей борьбе пролетариата. В комитете союза и не думали бороться за со-

кращение рабочего дня подростков, уничтожение неравенства в оплате их труда.

Непросто было Алексакису находить дорогу к объединению рабочей молодежи, превращению союза в социалистический; ориентироваться приходилось почти самостоятельно. Товарищи по партии помогали ему, но опыта у них самих было мало.

— Пойди на Морзавод,— советовал Ориону Назукин.—Хоть и там засилье меньшевиков, но подходящих ребят можно найти.

После выступления Алексакиса в одном из цехов завода к нему подошла группа молодых рабочих. Завязалась беседа. Они и молодые матросы стали помощниками Ориона в борьбе против Петровского и его сторонников.

В двадцатых числах мая Ориону неожиданно предложили поехать в Москву на Всероссийский съезд учащихся. Севастопольский союз представляли: «аполитичный» Петровский, большевик Алексакис и называвший себя анархистом Рудометов. Споры продолжались и в пути. Ориону становилось все яснее, что дело идет к полному разрыву.

За Курском весна вдруг сменилась зимой. Налетевший ураганный ветер с сильным снегопадом бушевал до самой Москвы. На улицах столицы лежал мокрый снег. Шлепая по лужам, пробирались севастопольцы на Поварскую улицу в оргбюро съезда. Их одежда и обувь никак не были рассчитаны на такую погоду: в Крыму давно уже стояли погожие дни.

— Двадцать второе мая — и снег,— ворчал Рудометов.— Так и простудиться недолго.

— Анархистам насморк не страшен,— подшучивал над ним Алексакис.

В общежитии они согрелись горячим чаем, и Орион стал читать купленные на вокзале газеты.

— Бунт монахов в Даниловском монастыре,— рассмеялся он.— Собравшись на свой митинг, монахи потребовали убрать настоятеля за воровство. Еще в прошлом году намечалась ревизия монастырских дел, но настоятель, кстати, приятель Распутина, подкупил кого следует в священном синоде. Даже получил оттуда телеграмму: «Плюнь на ревизию, шей епископскую мантию». Хороши и сами монахи: в их кельях обнаружили бутыли с самогоном.

— Сколько съездов в Москве сейчас,— читал дальше Орион.— Кооператоров, учителей, кадетов...

— Какое нам дело до всех этих съездов,— с досадой сказал Петровский.— У нас — свой.

— Завтра посмотрим, есть ли у них дело до нас,— отпарировал Алексакис.

Он оказался прав. В Сергиевский народный дом на Новослободской улице, где проходил съезд, собравшихся пришли приветствовать видные кадеты и эсеры. Премьер-министр князь Львов прислал из Петрограда своего секретаря. Выступили два министра. Стала ясной вся лживость утверждений о непартийности: съезд принял

решение о «посильной поддержке Временного правительства». Провалили даже внесенное кем-то предложение сделать необязательным преподавание в школах закона божьего.

Спорить, выступать здесь было бесполезно: буржуазный характер съезда был очевиден. Орион потерял всякий интерес к съезду. Он знакомился с Москвой, побывал в Третьяковской галерее и Историческом музее, ходил по улицам, наблюдая жизнь города.

В один из дней он зашел в редакцию московской большевистской газеты «Социал-демократ».

— Нельзя ли у вас разжиться литературой? — обратился он к молодому человеку, что-то быстро писавшему.

— Для кого?

— Для Севастопольского партийного комитета и для Союза молодежи.

— А что это за союз?

Собеседником Ориона оказался Леонтий Котомка, поэт-большевик, которому Московский комитет партии вместе с другими товарищами поручил организовать большевистский Союз молодежи. Беседы с Котомкой еще больше укрепили Алексакиса в необходимости разрыва с Петровским и его единомышленниками. Как все будет, он еще не знал. Но что разрыв неизбежен — был уверен.

Вернувшись в Севастополь, он стал энергично вербовать сторонников превращения союза в социалистический.

На 4 июня было назначено общее собрание. Орион не скрывал, что хочет дать бой. Готовились и противники, настраивали молодежь против Ориона.

На собрании первым слово взял Алексакис:

— Рабочая молодежь не может и не будет оставаться в стороне от своих старших товарищей. Нам не по дороге с теми, кто под флагом беспартийности на деле помогает кадетам и другим буржуазным партиям. Я предлагаю переименовать союз в социалистический и изменить устав и программу...

Продолжать ему не дали. В зале поднялся неистовый шум. Сторонники Петровского кричали, свистели, топали ногами. Решение пришло к Ориону тут же:

— Мы уходим! Товарищи, кто за социалистический союз, выходите!

Большая группа молодежи покинула собрание. На Сенной площади провели свой митинг, избрали организационную комиссию во главе с Алексакисом, поручили ей подготовить собрание нового союза.

В «Известиях Севастопольского Совета» появилось воззвание, написанное Алексакисом:

«К тебе, рабочая молодежь, обращаемся мы с призывом объединиться. Тебя зовем мы в первую очередь вступать в Социалистический союз молодежи. Твой долг поддержать его, ибо цель его — развитие классового самосознания и пролетарской солидарности — этих необходимых условий для

успешной борьбы пролетариата с буржуазией, за осуществление идей социализма... Скорей же вступай, рабочая молодежь, в наш союз. Развивай и поддерживай его, ибо он твой союз, борется за твои интересы. И к тебе, молодая интеллигенция, обращаемся мы с призывом примкнуть к пролетариату...»

Новый союз энергично развернул свою деятельность. Вскоре в нем насчитывалось более трехсот человек.

Большим успехом пользовалась организованная Алексакисом политическая школа при союзе. В доме на Артиллерийской улице три раза в неделю читались лекции по истории партии, политической экономии, о текущих событиях. Орион вел занятия по истории партии. Он тщательно готовился, искал наиболее убедительные слова, мысли и факты, которыми можно было увлечь молодежь.

Занятия в гимназии, работа в Союзе молодежи, поручения партийного комитета... Времени не хватало. Изучать труды Маркса, Ленина, Плеханова, Лафарга, Бебеля, книги по истории культуры и всеобщей истории, экономическую и философскую литературу приходилось ночами.

Приближалось окончание гимназии. Экзамены Орион сдал хорошо. Вручая ему аттестат зрелости, директор гимназии вместо поздравления сказал:

— Надеюсь, вы расстанетесь со своими заблуждениями, станете на правильный путь.

— Я уже нашел правильный путь,— ответил Орион.

Закончена гимназия. Что делать? Идти работать? Учиться дальше?

Товарищи в партийном комитете, особенно Назукин, советовали продолжать учение. На этом же настаивали родные. Орион послал заявление в Киевский университет с просьбой о зачислении на юридический факультет.

А жизнь кипела...

Из Петрограда пришли вести о расстреле июльской демонстрации. Начались репрессии против большевиков и в Крыму.

На Севастопольский комитет большевиков обрушилась ярость контрреволюционных сил. Подстрекаемая провокаторами, толпа ворвалась в помещение партийного комитета, разгромила его. И Орион забыл думать о Киеве, университете, своем заявлении.

На собрании Союза молодежи он предложил послать деньги семьям арестованных в Петрограде участников демонстрации. Из скромных членских взносов выделили 30 рублей. Но важна была не сумма, а братская поддержка.

Митинги на Приморском бульваре, затягивавшиеся до поздней ночи, стали обычным явлением. Однажды около полуночи Орион увидел толпу на бульваре. Выступавший оратор клеветал на Ленина и большевиков. Орион вступил в дискуссию. Это было смелым поступком: там, где сторонники Временного правительства оказывались в боль-

шинстве, они нередко решали дело кулаками. На Ориона набросилось несколько человек. Завязалась рукопашная. Сочувствовавшие большевикам вытащили Алексакиса из свалки и дали ему возможность уйти.

Выступления на собраниях и митингах быстро развивали ораторский дар Ориона. Острота и пылкость его речи сочетались с непреклонной логикой. Он не только темпераментно обличал противников, но и убеждал слушателей фактами, цифрами, бесспорными примерами. «Умный, начитанный парень, он пользовался большим авторитетом, чему способствовало прирожденное умение говорить публично, за словом в карман не лез. Говорил образно, красиво, а главное, убедительно» — таким запомнил Алексакиса матрос миноносца «Фидониси» Георгий Матвеев.

В начале августа организацию севастопольских большевиков возглавила Н. И. Островская, присланная Центральным Комитетом партии. Она оказалась сильным и острым полемистом. Ее появление немедленно ощутили лидеры меньшевиков и эсеров. Пример и советы Островской помогали Ориону оттачивать искусство агитатора партии.

«У большевиков появились хорошие ораторы»,— докладывал в Петроград комиссар Временного правительства Борисов, добавляя, что «меры приняты, демонстрации и скопища запрещены, митинги ограничены».

Но влияние большевиков на флоте и в городе становилось все более ощутимым. Новые выборы в Совет помогли образовать большевистскую фракцию. До того большевиков в Совете не было. Депутатом Совета был избран и Алексакис.

Фракция противостояла эсеро-меньшевистскому большинству, использовала каждую возможность разоблачения его политики. Вместе с Островской, Назукиным и другими товарищами Алексакис пропагандировал в Совете ленинские идеи. Только в результате завоевания власти пролетариатом, говорили большевики, можно будет спасти страну от надвигающейся военной и экономической катастрофы.

В августе пришло сообщение из Киева о зачислении Ориона студентом университета. Но он отложил свой отъезд. Сначала «на пару недель», потом еще и еще. И, вероятно, не уехал бы совсем, если б Островская не сказала ему:

— Поезжай. Ты и в Киеве сможешь вести партийную работу.

Ранен у «Арсенала»

Противоречивые чувства одолевали Ориона, когда он подходил к зданию Киевского университета. Жажда знаний влекла его к занятиям. А революционная работа? Оставит ли она ему время для учения? Что важнее?!

Оживленные группы студентов вливались в широкие двери. Иные сворачивали к

ступенькам крыльца университетской библиотеки, и Ориону вдруг неудержимо захотелось пойти следом, постоять у книжных полок.

Несмотря на опоздание к началу учебного года, студенческий билет он получил без задержки. На минуту заколебался: идти сразу на занятия или... И торопливо направился в бывший дворец генерал-губернатора, где размещались Совет рабочих депутатов и Киевский комитет большевиков.

В двух небольших комнатках комитета было многолюдно и шумно. Особенно у стола, за которым сидела сухощавая женщина, показавшаяся Алексакису старой и суровой. Но председателю Киевского комитета Евгении Богдановне Бош не было и сорока. Трудная жизнь профессионального революционера, члена партии с 1901 года, наложила свой отпечаток на весь ее облик.

Внимательно разглядывая Ориона, почти открыто удивляясь его мальчишескому виду, она сдержанно расспросила о делах в Крыму, его партийной работе. Алексакису даже показалось, что Бош сейчас отделается от него: «Ну, юный друг, приступайте к своему учению, а потом мы и для вас что-либо придумаем» — и уже готов был резко возразить: «Не для этого я пришел к вам. Я хочу работать!»

Но Бош против ожидания сказала деловито:

— Разыщите на историческом факультете студента Довнар-Запольского. Вместе с ним будете создавать общестуденческий

партийный коллектив. Из всех учебных заведений, не только университетский. На учет встаньте в Городском районе. Там нужны агитаторы. Кстати, свои собрания район устраивает обычно в одной из аудиторий университета. Это не все, товарищ Алексакис. У нас недавно создана группа по организации Союза молодежи...

Неожиданно взгляд ее потеплел:

— Немного будет? Осилите?

Орион лишь широко улыбнулся в ответ, попрощался и вышел.

Довнар-Запольский, студент старшего курса, коренастый веселый юноша в поношенной тужурке, услышав о поручении Бош, подробно рассказал о положении в университете:

— Трудно, вообще говоря. Большинство студентов против нас. Сильны эсеры, а особенно националисты. Профессура сплошь реакционная и сохраняет старые порядки. Учение идет по-старому, даже кафедры полицейского и церковного права сохранились. Но есть и демократически настроенная часть студенчества... А как вы устроились, товарищ Алексакис? Квартира есть? В Киеве ее не сразу найдешь.

— Еще не искал.

— Есть дешевая комнатушка, запишите адрес. И позвольте дать вам совет: не пренебрегайте учением. Без этого авторитет трудней завоевать.

Но Орион посещал лекции, сидел допоздна в библиотеке только в первые дни. Бурная политическая жизнь в Киеве пол-

ностью захватила его, и учение отошло на задний план.

Инициативной группе — молодым большевикам Михаилу Ратманскому, Семену Мальчикову, Александре Ситниченко, которая должна была организовать Союз молодежи, весьма кстати пришелся севастопольский опыт Ориона.

Было выпущено воззвание к молодежи: «Скорее за дело, товарищи, собирайтесь на заводах, избирайте на 15 человек одного, присылайте на наше первое делегатское собрание в воскресенье 22 октября 1917 года в 10 часов утра».

Это собрание положило начало Киевскому социалистическому союзу молодежи «III Интернационал».

По средам и субботам Орион посещал партийную школу, организованную Киевским партийным комитетом «для подготовки ответственных работников, агитаторов и пропагандистов». Лекции Е. Бош, Я. Гамарника, В. Затонского по истории рабочего движения, экономике, теории государства помогали ему осмысливать практику революционной борьбы. Много раз впоследствии, когда надо было подготовить статью или теоретический доклад, Орион с благодарностью вспоминал лекторов партийной школы.

Выступать Алексакису приходилось часто. Когда он, внешне почти подросток, выходил на трибуну, нередко возникали смешки, колкие реплики, но с первых же слов слушатели проникались к нему доверием —

настолько волнующе острыми и убедительными были его слова.

Орион брался за любое, нужное в данный момент дело: собирал деньги для партийной газеты, распространял листовки и литературу, дежурил в комитете, секретарствовал на собраниях, бежал на митинг туда, где нужно было дать отпор эсерам или меньшевикам, шел в мастерскую, где хозяйчик сопротивлялся вступлению рабочих в профсоюз, или в воинскую часть, чтобы разъяснить солдатам суть большевистских лозунгов.

Обстановка в Киеве накалялась. Предстояли крупные события. В одном из отрядов рабочей Красной гвардии Орион прошел начальную школу стрельбы из винтовки и революльвера и тактики уличных боев.

Как только стало известно о вооруженном восстании в Петрограде, киевские большевики создали Военно-революционный комитет. 27 октября объединенное заседание Советов рабочих и солдатских депутатов приняло решение о присоединении к восставшему петроградскому пролетариату и передаче власти в городе ревкому.

Штаб военного округа — опора Временного правительства в Киеве — попытался опередить события. Юнкера и казаки захватили помещение Совета и арестовали часть членов ревкома. Немедленно созданный новый ревком призвал народ к оружию.

Первыми выступили рабочие «Арсенала», крупнейшего киевского завода, твердой опоры большевиков. К ним присоединились

солдаты авиапарка и других воинских частей, красногвардейские отряды всех районов города. Завязались ожесточенные схватки. Юнкера и казаки были отлично вооружены, ими командовали опытные офицеры. Но восставшие действовали смело и решительно и после трех дней боев заставили войска Временного правительства капитулировать.

Алексакис сражался в красногвардейском отряде, пробивавшемся навстречу рабочим «Арсенала». Заканчивался третий, последний день восстания, когда Орион увидел юнкеров, рассыпавшихся цепью за невысоким забором, и рванулся вперед:

— Сдавайтесь!

И не понял, что произошло. Острая боль пронзила ногу. Он неловко прислонился к стене, не выпуская из рук винтовку.

— Эй, парень, ты что? Ранен, что ли?— подбежал к нему красногвардеец.

Орион удивленно смотрел на темное пятно, быстро расползавшееся по штанине.

— Идти можешь?— красногвардеец подхватил его, потащил в ближайшую подворотню. Из подъезда осторожно выглянул кто-то из жильцов.

— Доктора нет в доме?

— На третьем этаже, направо...

— Зови его сюда!

Появившийся через несколько минут врач ощупал ногу:

— Немедленно наверх.

Тот же красногвардеец помог Ориону подняться по лестнице.

— Дешево отделались, юноша, кость цела,— сказал доктор, извлекая пулю.— Сейчас перевяжем, и в постель. На неделю, самое малое. И чего только носит вас, молодые люди, в эту заваруху...

Так появилось время для писем. Он сообщил родным, что вполне здоров, все идет нормально, занятиями в университете доволен. Киев очень нравится, познакомился с интересными людьми, много читает. И только в письме Назукину рассказал о событиях последних дней. Но и ему о ранении не сообщил.

Провести неделю в постели — целую неделю! — Орион не смог.

Уже на третий день он добрался до партийного комитета. Но вести были нерадостными. Победу над войсками Временного правительства закрепить не удалось. Сформированные украинской буржуазией националистические полки подошли к Киеву, овладели правительственными учреждениями и объявили высшей властью Центральную раду. Рада отказалась признать Советское правительство. Перевес военных сил в Киеве был на ее стороне.

Рана быстро заживала, и Орион вновь полностью отдался партийной работе. Вскоре его избрали членом Киевского комитета партии.

В начале декабря, в полулегальных условиях, в Киеве собралась Всеукраинская партийная конференция. 47 делегатов представляли 18 тысяч членов партии из 24 губерний. Алексакис, делегат Киева, был из-

бран в президиум конференции, выступал по ряду вопросов.

В разгаре работы стало известно, что националисты готовят нападение на конференцию, собираются разогнать делегатов и арестовать руководителей. Было высказано мнение прервать работу, наметив лишь самые срочные мероприятия, разъехаться по местам и «оттуда давить на Киев».

— Я с этим не согласен,— выступил Алексакис,— надо обсудить и решить все, что предстоит сделать для превращения Украины в советскую. Предлагаю продолжать работу в ускоренном темпе, а если понадобится, и в конспиративных условиях.

Ориона поддержали В. Затонский и большинство делегатов.

Конференция выработала тактику борьбы против Центральной рады, постановила образовать на Украине единую партийную организацию как составную часть всей РСДРП(б), создала Главный комитет социал-демократии Украины. Несмотря на неполноту представительства (по ряду причин не были представлены Донецкая, Харьковская и ряд других организаций), конференция «сыграла важную роль в подготовке партийных организаций Украины к завоеванию власти, явилась значительным шагом вперед на пути к созданию КП(б)У».

Рада продолжала наращивать силы. В Киев съезжались офицеры и даже представители военных миссий стран Антанты. С ними велись переговоры о помощи в войне против Советской России. Центр борьбы

с украинской контрреволюцией переместился в Харьков. Орион решил вернуться в Севастополь.

— Не будете возражать, товарищ Бош?

— Поезжай, там сейчас люди нужны. Ты теперь профессиональный партработник.

В «Кронштадте юга»

За три месяца как будто ничего не изменилось в Севастополе: те же дома на легко взбегающих вверх от вокзала улицах, те же строгие силуэты военных кораблей, те же лавры и каштаны на Приморском бульваре. Но Орион почувствовал, как посуровел город, как затаилась в нем тревога и напряженность. Не заезжая домой, прямо с вокзала он отправился в партийный комитет.

Незнакомый широкоплечий мужчина, сидевший за столом, вопросительно посмотрел на него:

— Ко мне, товарищ?

Он не успел ответить. Вошедший вслед за ним в комнату Назукин бросился к Ориону.

— Откуда? Надолго?

— Насовсем, Иван, насовсем...

— А университет?

— Когда-нибудь потом...

— Товарищ Гавен, это Алексакис, наш, севастополец,— повернулся Назукин к сидевшему за столом.— Создавал летом союз молодежи. Лучший наш агитатор.

— Чем думаешь заняться, товарищ Алексакис?— голубые глаза Гавена смотрели открыто и дружелюбно.

— Куда пошлете...

— Юрий Петрович,— вмешался Назукин,— возьми его к себе. Будет толк, не сомневайся.

— А что, если в ревком?— Гавен встал, оперся на костыли, не замеченные ранее Орионом, увидел его удивленно-сочувственный взгляд и буркнул:

— Царский подарок...

Позже Гавен рассказал Ориону, при каких обстоятельствах ему искалечили ногу.

— В каторжной тюрьме. Мы Первомай отмечали, пели песни. Тюремщики ворвались в камеру, потащили в карцер. Силой меня господь не обделил, сопротивлялся бешено. Поднялась суматоха. Надзиратели зажали мою ногу железной дверью. Каторга, как известно, не больница, кандалы в карцере не лекарство, ну и довели до костылей. Лучше без них, что говорить... Да ничего, привык я...

За плечами у Юрия Петровича Гавена, несмотря на молодость — ему было 33 года,— большая жизнь, огромный опыт борьбы. В 1902 году стал большевиком. Подполье, аресты, участие в боях пятого года. На V съезде партии в Лондоне познакомился с Лениным. Потом — снова подполье, тюрьма, многолетняя каторга. В октябре семнадцатого Центральный Комитет партии направил его вместе с балтийским мат-

росом Николаем Пожаровым* в Севастополь.

— Дела в Крыму неважные,— напутствовал Гавена Я. М. Свердлов,— засилье соглашателей. Ваша задача превратить Севастополь в революционную базу Черноморского побережья. Севастополь должен стать Кронштадтом юга.

Гавен возглавил севастопольских большевиков. Внешне невозмутимый и спокойный, в самые трудные минуты он уже одним своим видом как бы говорил товарищам: «Не теряйтесь, победа неизбежна».

Огромным счастьем для молодого поколения первых лет революции было непосредственное общение со старой партийной гвардией, с теми, кто вместе с Лениным закладывал основы партии. «Старики», хоть старыми они вовсе и не были, своим отношением к народу, преданностью делу, идейностью, живым примером показывали, каким может и должен быть человек в революции.

Гавен стал для Ориона образцом революционера. Алексакис твердо знал: Гавену можно верить, его преданность революции безгранична, он не поступится ничем ради своих убеждений, не пойдет на компромисс. Ни в большом, ни в малом, житейском.

Орион учился у Гавена понимать людей, определять их возможности, учился искус-

---

* Пожаров Николай Арсентьевич, член партии с 1916 года, депутат Кронштадтского Совета, председатель Севастопольского Совета в 1917—1918 годах.

ству революционной борьбы. Гавен в свою очередь полюбил юношу за его кипучую энергию, острый ум и преданность партии.

Но все это будет потом. А сейчас, в первый день, Орион слушал беседы Гавена с рабочими и матросами. Одни рассказывали о состоявшихся собраниях, другие — о провокациях и антисоветских выходках врагов, третьи — о неполадках на работе, нехватке сырья на Морском заводе и в порту, растущей безработице, кознях хозяйчиков, владельцев мастерских и магазинов. Просили совета, требовали помощи. Положение в Севастополе было тяжелым.

На следующий день Орион приступил к работе — стал секретарем Севастопольского ревкома.

В начале января 1918 года Севастопольский ревком объявил боевую тревогу: вой корабельных сирен слился с фабричными гудками. Татарские буржуазные националисты подняли восстание. Захватив Симферополь и объявив созданное ими «правительство» высшей властью Крыма, они двинули эскадронцев *, крупные отряды гайдамаков и белогвардейцев на Севастополь.

Уже через час после тревоги первый отряд в семьсот человек отправился на подавление восстания. За ним последовали новые — всего около шести тысяч бойцов. Орион рвался на фронт, но Гавен не разрешил:

* Эскадронцами назывались полки кавалеристов, сформированные татарскими буржуазными националистами.

— Ты сейчас нужнее здесь.

Орион писал воззвания, выступал на митингах, участвовал в отправке отрядов, помогал налаживать охрану в городе, дежурил в ревкоме.

В бессонную ночь на 12 января пришло сообщение о победе. Гавену удалось связаться по прямому проводу с Симферополем. Город был освобожден, националисты бежали в горы. Подробностей выяснить не удалось, связь тут же прервалась. А утром к ревкому подъехал автомобиль, и два солдата ввели рослого мужчину, злобно оглядевшего всех, кто находился в комнате.

— Примите арестованного,— сказал один из солдат.— И расписку надо. Вот документ от товарища Миллера*.

— Здравствуйте, Челебиев,— сказал Гавен арестованному.— Вот и встретились. Не думали, не гадали?

Глава националистического «правительства» не отвечал. Он прикрыл глаза и, сложив руки на животе, старался принять безразличный вид.

— Ну что ж, не хотите здороваться — ваше дело. Орион, напиши расписку. Да прочти-ка вслух, что пишет Миллер?

«Севастополь, Военно-революционному комитету,— прочел Алексакис.— Глава местной контрреволюции при настоящем

---

* Миллер Жан Августович, член партии с 1902 года. Руководитель Центрального Исполнительного Комитета Советов Крыма в 1918 году.

препровождается в распоряжение Вашего комитета. Просим держать и передать Военно-революционному трибуналу». Я на этой же бумажке распишусь...

И написал:

«14 января в 9 ч. 45 м. утра принял бывшего премьер-министра так называемого крымско-татарского правительства».

Гавен тоже расписался на документе и спокойно сказал:

— Челебиева — в тюрьму. Судить вас будут, Челебиев.

— Не имеете права,— гордо сказал Челебиев.— Я муфтий *.

— А когда по вашему приказу убивали наших товарищей, вы кто были? Тоже муфтий?!— возмутился Алексакис.— Значит, муфтий убивать может, а судить его нельзя? Вас будут судить!

— Вы ничего не добьетесь,— холодно ответил Челебиев.— Всех вас уничтожим. Я вас ненавижу.

Орион побелел и бросился к нему:

— Замолчите!

От возмущения он плохо владел собой, выкрикивал какие-то оскорбительные слова, угрозы.

— Спокойно, Орион,— остановил его Гавен.

Челебиева увели, и они долго молчали. Ориону было мучительно стыдно за свою несдержанность. Он ждал упреков, но Га-

---

* Муфтий — представитель высшего духовенства у мусульман. Челебиев являлся крымским муфтием.

вен с трудом поднялся и, укоризненно взглянув на него, вышел из комнаты. Это был хороший урок Ориону.

Новые, незнакомые люди встретили Алексакиса в Союзе молодежи. Прежних товарищей почти не осталось. Больше того, проникшая в союз группа меньшевиков активно вела свою агитацию.

— Раскола не миновать,— говорил Орион Гавену и Назукину.— Но прежде надо использовать союз для пропаганды. Высвободим из-под влияния меньшевиков как можно больше молодежи, а затем дадим бой.

Вскоре на общем собрании союза Алексакис предложил:

— Пусть каждый решит: он за или против Советской власти?

И вскоре вместе с активистами Цитовичем, Готнером, Лысенко, Правдиным и другими Алексакис налаживал работу заново созданного Социалистического союза молодежи «III Интернационал», стоявшего на большевистской платформе. Он участвовал в проведении общегородской конференции рабочей молодежи, в организации общекрымского центра молодежи.

«Алексакис играл главную роль в большевизации нашего союза,— вспоминает старый член партии Л. И. Лидов-Готнер.— К тому же он вел огромную работу в партийном комитете, ревкоме, Совете. В свои восемнадцать лет он пользовался большим

уважением и вместе с Гавеном и Пожаровым был, пожалуй, особенно приметным и популярным в городе».

Для пропаганды большевистских идей, правильного освещения событий, опровержения всякого рода слухов нужна была газета. В Симферополе наладить ее выпуск не удалось: хозяева типографий отказались принять заказ, а профсоюз печатников под влиянием меньшевиков их поддержал. Таврический губком партии поручил издание газеты севастопольским большевикам.

Владельцы типографий и здесь отказались печатать газету. Тогда ревком национализировал крупную типографию. Меньшевики на заседании Севастопольского Совета попытались добиться отмены национализации, якобы «противоречащей свободе печати». Отпор от имени большевистской фракции им дал Алексакис.

— Мы не допускаем мысли,— обратился он к печатникам — чтобы вы, рабочие люди, часть всего рабочего класса, захотели пойти против революционной демократии Севастополя!

Абсолютным большинством Совет утвердил национализацию типографии.

— Недостоин имени гражданина тот, кто спокойно спит в то время, когда решается судьба народа!— призывала передовая статья первого номера «Таврической Правды».— Свобода еще не обеспечена, мир еще не заключен, спасти свою свободу, спасти Россию мы можем лишь напряжением сил всех и каждого. Позор тому, кто мирится с

бичом палача Каледина*, душащего наших братьев! Проклятие тому, кто уходит от борьбы, он не посмеет посмотреть в глаза своим детям, которые спросят его, где он был, когда убивали их братьев?

Сохранилось всего четыре разрозненных номера газеты. В двух из них напечатаны статьи Алексакиса. «Успех каждого революционного дела,— писал Орион в первом номере,— в значительной мере определяется правильным учетом данного исторического момента и тех обязанностей, которые возлагаются им на руководителей движения... Когда мы одержим полную военную победу, мы только схватим буржуазию за глотку, но не разрушим ту основу, на которой она держится... Мало провозгласить власть Советов, нужно ее и осуществить. Только взяв в свои руки регулирование экономической жизни, мы будем крепки и несокрушимы».

Вторая статья разоблачает контрреволюционную сущность меньшевизма. В ней Орион использовал выступления самих меньшевиков на их съезде в Симферополе. Меньшевистская газета «Вольный юг» ответила злобной руганью. Гавен на это сказал Алексакису:

---

* Бывший царский генерал Каледин в ноябре 1917 года поднял на Дону крупное восстание, надеясь развернуть поход на Москву. Против Каледина из Севастополя отправился большой отряд матросов и солдат. Убедившись в провале своих планов, Каледин покончил самоубийством.

— Бебель говорил когда-то приблизительно следующее: в чем я провинился перед пролетариатом, если меня хвалит буржуазия? Тебя враги ругают, Орион, значит, ты ведешь правильную линию.

Читая статьи Ориона, убеждаешься, что написаны они зрелым человеком, владеющим теорией и практикой борьбы, серьезно эрудированным в стратегии и тактике марксизма. Трудно представить себе, что их автором был восемнадцатилетний юноша.

По пятницам — это стало обычаем — в кинотеатрах Севастополя перед началом сеансов проводились короткие политические беседы. Кто и где будет выступать, объявлялось заранее в газетах, и зрители могли выбирать не только фильм, но и оратора. Каждая партия, естественно, выделяла своих лучших ораторов. От большевиков чаще всего выступал Орион Алексакис.

Вторая половина февраля восемнадцатого года была насыщена грозными событиями в жизни Севастополя. Черноморский флот оказался значительно ослабленным из-за ухода большинства сознательных матросов на фронт. Анархистски настроенные группки призывали оставшихся не признавать дисциплины, не подчиняться распоряжениям Советской власти.

А вести о расширяющемся наступлении немцев на Украину, рост спекуляции, перебои с выплатой жалованья, провокационные наветы меньшевиков и эсеров усугубили тревожную атмосферу.

В поисках денежных средств Совет обложил чрезвычайным налогом буржуазию, но сбор его шел плохо. Торговцы и спекулянты представляли фальшивые документы, прятали ценности, ловко укрывались от уплаты. Это еще больше накалило обстановку на кораблях.

21 февраля несколько сот вооруженных моряков самовольно сошли на берег. Пожарову и Алексакису, бросившимся на Графскую пристань, успокоить бушевавшую толпу не удалось. Начались самочинные расправы с торговцами и спекулянтами. Порядок восстанавливался с трудом.

24 февраля две тысячи моряков пришли в цирк Труцци на расширенное заседание Совета рабочих депутатов с представителями всех судовых команд. Доклад о событиях последних дней был поручен Алексакису. Выступать перед моряками, когда страсти еще не остыли, было непросто.

Орион рассказал, как меньшевики попытались использовать события и, захватив типографию, выпустили листовку с призывом свергнуть Советскую власть, раскрыл враждебную пролетариату суть анархизма, убеждал в решающей роли дисциплины и недопустимости любого произвола. Его взволнованная, страстная речь захватила зал. Выступавшие моряки один за другим признавали, что анархические вспышки позорят революцию, клялись, что «впредь самосудов не будет».

Многие годы спустя, анализируя февральские события, Гавен отмечал, что

Алексакис, совершенно правильно определив причины событий, сумел переубедить неустойчивую часть моряков.

В начале марта в Симферополе собрался губернский партийный съезд. Алексакис выступал почти по всем вопросам повестки дня съезда, вносил предложения по улучшению партийной работы и укреплению Советской власти. «Мы окружены мелкой буржуазией,— говорил он,— не гарантированы от реакции, возможны синдикалистские настроения и в среде рабочих. Главным является работа в массах. Мы должны черпать свои силы из массы, быть в самом тесном общении с нею, организовывать ее». Он предлагал «усилить коллегиальность, на каждом партийном собрании заслушивать отчеты партийцев, работающих в Советах».

— Неважно, если в коллегию будет избран человек неграмотный,— утверждал Орион,— грамотных у нас пока еще маловато. Важно, чтобы такой человек разбирался в главном, был предан революции. Творить должна масса через Советы. Для этого надо, чтобы все члены Совета входили в его комиссии, сделать всех членов Совета работоспособными. Отделы Совета, в особенности народного просвещения, продовольственный, финансовый, должны работать более самостоятельно. Я предлагаю проводить для членов Совета вечерние курсы, читать им популярные лекции, разъяс-

нять все возникающие вопросы, помогать им осваивать работу. И один день в неделю освободить от занятий в аппарате для отчетов перед массами на собраниях...

14 марта 1918 года в Москве собрался IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов. На повестке дня: ратификация мирного договора с Германией, перенесение столицы из Петрограда в Москву, выборы ВЦИК. Самым молодым делегатом съезда был представитель Севастополя Алексакис.

Впервые он слушал Ленина. Орион аплодировал, махал руками, радостно кричал, не слыша самого себя в бурной овации, которой съезд встретил Владимира Ильича. Затем схватил блокнот — «запишу все»,— но ни одной записи так и не сделал. Он не сводил с Ленина глаз, запомнил речь чуть не слово в слово.

После съезда Алексакис возвратился в Крым. Положение здесь стало еще более напряженным. Захватив с помощью националистов почти всю Украину, войска императора Вильгельма, игнорируя мирный договор, угрожали оккупировать и Крым. В Москве был создан специальный комиссариат по делам Юга во главе с Орджоникидзе, которому Ленин писал: «Очень прошу Вас обратить серьезное внимание на Крым и Донецкий бассейн в смысле создания единого боевого фронта против нашествия с Запада. Убедите крымских товарищей, что ход вещей навязывает им оборону и они должны обороняться независимо от ратификации мирного договора».

Крымские большевики отправляли вооруженные отряды на борьбу с немецкими оккупантами и с белыми на Дону. Отгружали эшелоны с хлебом, в котором так нуждались голодавшие промышленные центры. Это вызывало бешеную ненависть крымской буржуазии. Дело дошло до убийства комиссара по продовольствию Наума Глазова. Его убили в тот момент, когда он пытался успокоить накаленную контрреволюционерами толпу. Был растерзан и оказавшийся рядом сын Глазова, член Союза социалистической молодежи.

В дни, когда немецкая армия приближалась к Перекопу, Севастопольский Совет все же успел отправить на север эшелон с 80 тысячами пудов сухарей из флотских запасов.

На объединенном заседании Совета, Центрофлота и представителей кораблей меньшевики, пытаясь сорвать оборону города, запугивали собравшихся мощью германского империализма, речами о ненужных якобы жертвах и безнадежности сопротивления. Но маневр меньшевиков был разгадан. «После горячих прений, продолжавшихся всю ночь,— сообщала «Таврическая Правда»,— принята следующая резолюция: «Заслушав доклад и прения об обороне Крыма, участники собрания, закончив его в 6 ч. утра 21 марта, перешли от слов к делу». В Москву «для опубликования в печати» пошла телеграмма: «...Крым и Севастопольский Совдеп мобилизуют массы и готовят отпор. Ни о какой

сдаче без боя речи быть не может... Товарищ председателя Севастопольского Совдепа Алексакис».

Все севастопольские большевики вступили в конно-пулеметный отряд.

«В отряде,— вспоминает А. Е. Абрамович,— мы сражались вместе с Орионом. Вел он себя очень мужественно, решительно, смело. И стрелял хорошо. Мы не раз атаковали, пытались, как только могли, задержать наступление врага, чтобы облегчить эвакуацию флота».

Меньшевики и эсеры, воспользовавшись тем, что почти все большевики ушли на фронт, провели перевыборы Совета в Севастополе и получили большинство. Новый Совет не только немедленно прекратил выдачу средств защитникам Крыма и пособий их семьям, но и постановил передать власть местным самоуправлениям. Это было прямой попыткой ликвидировать Советскую власть в городе.

В Севастополь был срочно направлен Алексакис. Гавен, остававшийся руководить боевыми операциями, сказал Ориону:

— Главное, создать надежный орган власти в городе и провести новые выборы в Совет.

12 апреля Севастопольская радиостанция передала срочное сообщение о создании временного Революционного комитета, роспуске Совета и предстоящих новых выборах. Его подписали члены президиума временного ревкома Шерстнев, Алексакис, Шашков и Марченко. В ответ

эсеро-меньшевистские лидеры объявили, что новый Совет не сложит полномочий. Назревал вооруженный конфликт.

Но судьба Крыма и Севастополя была решена на фронте: войска кайзера приближались к Симферополю. Из Москвы пришла директива: в случае невозможности удержать Севастополь, эвакуировать Черноморский флот в Новороссийск. Другого пути спасения флота не было.

Не только командующий флотом адмирал Саблин и почти все офицеры сопротивлялись уходу флота из Севастополя, но и немалая часть матросов. На кораблях шли митинги. Большевики прилагали все усилия, чтобы убедить моряков в необходимости эвакуации. Одновременно создавались группы для подполья. «Орион поручил мне вместе с братом,— вспоминает Л. И. Лидов-Готнер,— остаться в подполье. Кроме нас он оставил Карпенко, Рубина, Нечепуренко, всего человек семь или восемь членов Союза молодежи «III Интернационал».

С нетерпением ожидали прихода немцев татарские националисты. Близ Алушты им удалось захватить группу членов крымского правительства, направлявшихся кружным путем в Севастополь, и казнить их.

25 апреля в городе было опубликовано воззвание: «Настала минута, та роковая минута, когда мы должны выйти на последний смертный бой с врагами революции!» А на рассвете 29 апреля началась погрузка на суда последних отрядов бойцов, прикрывавших отступление. Затем эскадра

взяла курс на Новороссийск. На одном из миноносцев отплыли Гавен, Алексакис и другие руководители севастопольских большевиков. Однако часть кораблей осталась в Севастополе и попала в руки немцев.

В Новороссийске Орион некоторое время работал вместе с Гавеном в революционном штабе Кубано-Черноморской республики, оплоте Советской власти на Кубани. Затем вместе с несколькими крымскими большевиками был направлен в Москву, в распоряжение ЦК партии.

— Еще будем в Крыму,— сказал, прощаясь, Гавен,— в советском.

«Послан Алексакис»

Гостиница «Метрополь» до революции пользовалась особой благосклонностью денежных тузов. Ресторан с двусветным залом и фонтаном. Метрдотель во фраке. Почтительные официанты. Швейцар, важный и медлительный, с одного взгляда оценивающий посетителя...

В октябре семнадцатого года «Метрополь» захватили юнкера. Не успевших уехать постояльцев оттеснили в верхние этажи, забаррикадировали входы, установили в окнах пулеметы. На штурм «Метрополя» красногвардейцев повел М. В. Фрунзе. Дрались на лестницах, у фонтана, в номерах. Поврежденные окна, снесенный снарядом угол здания, щербины по всему фасаду — свидетельства жаркой схватки.

Теперь, летом 1918 года, в «Метрополе» разместился Центральный Комитет партии большевиков. По широким коридорам сплошным потоком двигались солдаты, рабочие, иные с винтовками, перепоясанные пулеметными лентами.

За одним из поворотов коридор расширялся, образовав нечто вроде прихожей с несколькими выходившими в нее дверьми. Из-за одной слышался стрекот пишущей машинки и доносились приглушенные голоса. На другой белела приколотая кнопками бумажка: «Секретариат ЦК РКП(б)».

Напротив этой двери несколько человек курили, переговаривались. Орион приоткрыл дверь.

У большого окна с низким и широким подоконником — письменный стол с аккуратно разложенными бумагами, стопкой газет и брошюр. Сбоку, на простенке, телефон. Несколько разномастных стульев вдоль стен. В углу — вешалка и рядом тумбочка.

Женщина, коротко стриженная, в строгом темном платье, разговаривала с каким-то военным. Это была Новгородцева.

— Заходите, товарищ, — повернулась она к Ориону,— мы заканчиваем. Присядьте.

Когда Алексакис, волнуясь, передал ей направление «В распоряжение ЦК», Новгородцева приветливо взглянула на юношу.

— Расскажите, пожалуйста, о себе. Хотя, вероятно, рассказывать не так уж много? Извините, но сколько вам лет?

— В партии я с мая семнадцатого года...— вспыхнув, уклонился от прямого ответа Орион.

Продолжить он не успел. В комнату энергично вошел худощавый человек среднего роста и внимательно посмотрел на него.

— Товарищ Алексакис — крымчанин,— ответила Новгородцева на немой вопрос вошедшего.— Направил в наше распоряжение Гавен.

— Здравствуйте, товарищ Алексакис.— Свердлов пожал руку Ориона.— Я знаю о вас от Гавена и Миллера. Отлично они о вас отзываются. Правда,— он весело улыбнулся, и сразу стало видно, что он молод, а старше его делают усы и бородка,— Гавен предупредил, что вы горячитесь иногда не в меру, но не считаю это слишком большим недостатком. Как и Миллер, впрочем, хотя о темпераменте и он помянул, рекомендуя вас. А что, если мы пошлем горячего Ориона Алексакиса в прохладную Вятку?

— Туда в мае направлены два товарища,— заметила Новгородцева.

— Помню, но там новые осложнения, и, кажется, серьезные. Судя по этой телеграмме,— Свердлов вынул ее из кармана,— посылать надо немедля.

Он еще раз посмотрел на Ориона:

— Где-то я вас уже видел. На каком-либо съезде?

Алексакис слышал о поразительной памяти Свердлова, о том, что, однажды встре-

тив человека, он запоминает его навсегда. Но сейчас Орион удивился:

— Я был делегатом IV съезда Советов, Яков Михайлович, но ни разу к вам не подходил.

— Я говорю, что где-то уже видел,— снова улыбнулся Свердлов и, подойдя вплотную к Ориону, продолжал серьезно, глядя ему в глаза:— Молодость — недостаток, который, к сожалению, быстро проходит. А сердце революционера всегда должно быть горячим. Я, как и ваши друзья, не ставлю вам в упрек вашу горячность. Вот что телеграфируют из Вятки: «Немедленно требуем посылки партийных работников-руководителей. Положение неважное. Партийную организацию придется распустить...» Ясно, что положение там обострилось. Ваша задача — укрепить местную организацию, сплотить ее, но не командовать. К карьеристам, пьяницам, мещанам, пролезшим в партию, будьте беспощадны. От них надо избавляться безоговорочно, иначе они разложат работу, скомпрометируют партию.

— Но...

— Справитесь. Обязаны справиться. Вы читали майское обращение ЦК? Надо, Клавдия Тимофеевна, дать ему с собой. Оно для вас главная директива. Желаю успеха.

Новгородцева уже писала мандат на листке из блокнота:

— Отпечатайте в комнате рядом. Когда сможете выехать?

— Хоть сегодня,— пробормотал Орион. Такого скорого назначения он не ожидал.

— Прекрасно. Возьмите с собой литературу, вы успеете получить ее в Центропечати. На большую помощь не рассчитывайте, решать все надо на месте. Почаще информируйте о положении дел. Вот вам майское обращение ЦК.

Выйдя от Новгородцевой и устроившись на подоконнике в коридоре, Орион прочел письмо ЦК. Указав, что переживаемые страной трудности «заставляют... шаткие слои колебаться», что в партию влилось немало неподготовленных и даже чуждых ей элементов, Центральный Комитет считал важнейшей причиной ослабления партийной работы «массовый переход наиболее активных ответственных работников от партийных организаций к советским».

«Необходимо положить этому предел,— подчеркивалось в письме.— Мы должны поднять наши партийные организации на прежнюю высоту... Партия должна вновь стать цельной, литой из единого куска. Она должна очиститься от наносных элементов, вносящих разложение в ее ряды... строжайшая дисциплина и единство действий должны царить в нашей партии... Нет члена партии без партийных обязанностей».

Получив во ВЦИК записку к военному коменданту Ярославского вокзала с предписанием обеспечить представителю ЦК РКП(б) отъезд с любым сегодняшним поездом, Орион направился в Центропечать.

Поднимаясь вверх по Тверской, он с любопытством оглядывал улицу, дома, вывески магазинов. По булыжной мостовой звонко цокали копытами лошади. Раза два прогромыхали автомобили, оставляя за собой клубы дыма. Людей было немного.

Над пустыми витринами с разбитыми стеклами странно и мертво выглядели вывески: «Готовое платье Манделя», «Обувь Демидова», «Ателье Ханжонкова». Подвалы недостроенного здания на углу Газетного переулка были залиты водой. От столбов забора, некогда ограждавшего стойку, остались лишь полузасыпанные мусором ямы. «На дрова, видно, растащили»,— подумал Орион.

У трехэтажного здания Московского Совета, бывшего дома генерал-губернатора, Орион остановился.

Рядом с Моссоветом, на первом этаже бывшей гостиницы «Дрезден», разместился книжный склад, у его крыльца стояла подвода, и девушки в красных косынках грузили на нее пачки книг.

В аптеку, что находилась в двухэтажном доме наискосок, то и дело входили люди. В ее окнах стояли широкие стеклянные пузыри, наполненные подкрашенной водой,— старый символ торговли лекарствами.

Он продолжал свой путь по Тверской. Длинная очередь у филипповской булочной. Люди терпеливо и привычно ждали. За весь июнь московские рабочие получили меньше двух килограммов хлеба на душу,

а по карточкам других категорий выдали и того меньше.

Центропечать находилась в известных москвичам домах Бахрушина, между Козицким и Глинищевским переулками.

— Пройдите сами на склад и отберите, что нужно,— сказал Алексакису заведующий Центропечатью.— Вот записка, возьмите, сколько сможете.

У Ориона разбежались глаза, когда он вошел в склад. Сразу от дверей плотными рядами выстроились штабеля книжных пачек. Собрания сочинений Чехова, Щедрина, Успенского, Кольцова... Издательский отдел Наркомпроса печатал их с матриц, оставшихся от приложений к дореволюционной «Ниве», без всяких изменений, по старому правописанию, с ятем и твердым знаком, мирясь с купюрами подцензурных изданий. Это была единственная возможность быстро выпустить в свет сочинения русских классиков, имевшие огромный спрос.

На широком прилавке и на нестроганых досках стеллажей, установленных вдоль стен складского помещения, лежали книги Ленина, Бебеля, Меринга, брошюры Либкнехта, Коллонтай, Карпинского, Луначарского, стихи Демьяна Бедного.

Алексакис связал огромную пачку книг, добавил несколько плакатов. Попробовал поднять — и с сожалением отложил часть брошюр. Взвалил пачку вместе с вещевым мешком на плечо и отправился на Ярославский вокзал.

...На четвертой странице тетради, хранящейся ныне в Центральном партийном архиве, почерком Клавдии Тимофеевны Новгородцевой сделана запись:

Число	*Откуда требование*	*На какую функцию*	*Форма требования*	*Как удовлетворено*
21. VI. 18	*Вятка*	*партийных работников-руководителей*	*Вх. 313*	*Послан Алексакис*

Поезд останавливался у каждого подъема. Пассажиры выходили в лес и пилили дрова. Набрав пары, паровоз толкал состав назад и лишь после этого, отчаянно дымя и пыхтя, «с разбега» брал подъем и тащился дальше.

Стоя в тамбуре битком набитого вагона, Алексакис вспоминал недавний путь из Новороссийска в Москву. Ехали дружной компанией. Перебирали события минувших дней, тревожились о судьбах оставленных в подполье товарищей, мечтали о скором возвращении. Теперь он ехал один. Придется привыкать — в Вятке не будет рядом ни Гавена, ни Назукина. «Придется все решать самому, и ошибаться нельзя — представитель ЦК»,— думал он.

За окном — непривычные южанину картины: нежная белизна берез, разнолесье, перемежавшееся сочной зеленью лугов.

Ближе к Вятке участились болота и обширные лесные гари. Местами поверх мха, травы, кустиков брусники стояла вода, ржавая у обочин, с гниющими в ней стволами упавших деревьев.

Станций было немного, все больше разъезды, почти безлюдные. Орион пристально вглядывался в изредка мелькавшие мимо окон деревушки — обычно в один-два десятка домов — с серыми приземистыми избенками. Большие села встречались редко, и в них выделялись дома покрупнее, с тесовыми, а то и железными кровлями, крашеными наличниками, палисадниками.

— Какова она, Вятка,— думал Орион.— Как живут здесь люди...

Под неторопливый стук колес наползали сумерки. Кто-то достал крохотный свечной огарок и воткнул его в фонарь. Стекол в фонаре не было, тусклый огонек метался из стороны в сторону, причудливые тени прыгали по стенам. Потрескивали и искрили цигарки, постепенно утихали разговоры. Орион еще долго не мог заснуть на своей верхней полке.

Представитель ЦК

Поезд подошел к Вятке утром. Сразу его осадила толпа людей с мешками, баулами, корзинами. С трудом пробивая себе дорогу, Алексакис вышел на окруженную добротными купеческими лабазами площадь.

Милиционер, в лаптях и без фуражки, с вылинявшей красной повязкой на рукаве, лузгал семечки.

— Как пройти в комитет партии? — подошел к нему Орион.

— Которой?

— Большевиков, конечно,— удивился Алексакис.— Так уж много у вас партий?

— Хватает,— неторопливо ответил милиционер.— Анархисты на Преображенской дом занимают, эсеры неподалеку от них. А большевики на Спасской. Иди прямо по этой улице, потом направо. Рядом с почтой они.

После Москвы Вятка казалась удивительно тихой. Куры на мостовой, праздный народ на улицах, любопытные взгляды...

Войдя во двор двухэтажного деревянного дома, Алексакис поднялся на высокое крыльцо с обломанными перилами. Прошел темные сени с каким-то непонятным скарбом и очутился в просторной светлой комнате. Вдоль стен, оклеенных обоями, вперемежку стояли стулья и некрашеные скамейки. Висели портреты Маркса, Ленина и Либкнехта. На плакате жирный паук-мироед пытался затянуть в свои сети бедняка крестьянина в таких же, как у милиционера на вокзальной площади, лаптях. Только у милиционера были защитного цвета обмотки, а крестьянин на плакате был нарисован обутым в белые онучи.

За широким столом, покрытым куском кумача, сидели двое. Прервав беседу, они вопросительно посмотрели на Алексакиса.

Орион понимал, что многое будет зависеть от первой встречи, его умения сразу взять правильный тон.

— Приехал к вам в помощь. Вот мандат...

Разговор получился деловой. Ориона сразу расположил к себе молодой, круглолицый и румяный председатель ЧК Петр Капустин. Пожилой и рыжеусый губернский военный комиссар Степан Малыгин больше молчал, лишь изредка вставляя слово.

— Губерния наша огромная,— рассказывал Ориону Капустин,— миллиона на четыре населения, считай целое государство. Но рабочих мало. В селах орудуют кулаки, беднота еще не осмелела. О том, что с Волги угрожают белочехи, а с севера — интервенты, сам знаешь. Военных сил у нас почти нет.

— Начали формировать свой полк Красной Армии,— вставил Малыгин,— и отряд латышей прибыл из центра.

— Левых эсеров в губисполкоме,— продолжал Капустин,— чуть не половина, а в уездных — и того больше. Коммунистов мало, на весь город несколько десятков человек. А надо, чтобы в исполкоме, военкомате, совнархозе, в разных отделах учреждений работали члены партии, пусть один-два человека. Везде коммунисты нужны, партийную работу вести некому, мало нас. Поэтому и телеграмму в ЦК послали. Так что впрягайся, товарищ Алексакис, работы у нас невпроворот...

Поселился Орион вместе с Яковом Урановским и Аркадием Стругацким, присланными Центральным Комитетом еще в мае, в гостинице неподалеку от партийного комитета. В «номерах», как ее по старинке называли вятичи, жили артисты, разными судьбами занесенные в Вятку, наезжие спекулянты, всякий случайный люд. В комнату «москвичей» — так звали всех троих приезжих вятские партийцы — доносился бесконечный шум. Но вскоре в домике сзади городского театра было создано общежитие исполкома, и «москвичи» перебрались туда, заняв небольшую комнатушку.

В самой большой комнате общежития стоял длинный стол. За ним обедали, чистили оружие, читали вслух. На кухне дежурили поочередно. Старик Степан Фалалеев, бывший рабочий кирпичного завода, готовил обед, заботился о продуктах.

— Ну и Степан, нынче отличился,— хвалили его, когда на столе вместо картошки или пшенной каши неожиданно появлялось мясо. Но такое случалось редко.

Алексакис сразу оказался в центре событий. Разоружение левых эсеров, формирование полка Красной Армии, хлебозаготовки, укрепление советских органов — дел было по горло. Но главной его заботой стала партийная, организационная работа.

По нескольку раз в неделю заседал партийный комитет. Почти еженедельно проводились общегородские партийные собрания. Безотлагательно, сиюминутно надо было решать массу вопросов. «О текущем момен-

те» — так назывались в ту пору сообщения о важнейших событиях и ближайших практических задачах. С них обычно и начинали заседания парткома и общие собрания. Алексакис стал частым докладчиком на эти темы, помогая вятским коммунистам правильно ориентироваться в обстановке, определять насущные задачи и пути их осуществления.

— Только что поступило сообщение,— говорил Орион на общем собрании 29 июня,— в Петрограде эсерами убит товарищ Володарский. Невероятна тяжесть борьбы, которую ведет наша партия, огромна ее ответственность за судьбу революции перед всем международным пролетариатом. Первым выводом должно стать укрепление дисциплины. Вторым —каждый коммунист кроме основной работы обязан нести определенные партийные обязанности. Предлагаю поручить комитету следить за этим.

На собрании 6 июля он снова возвращается к вопросу о партийных обязанностях. Тут же принимается его предложение: «Члены партии, независимо от занимаемых постов, обязаны все свободное время посвятить партии». Свободное время... А сколько его оставалось у партийцев? Сутками и больше не уходили они с работы. Да еще ухитрялись бывать на предприятиях, выступать перед рабочими — это тоже было кровным делом коммунистов. «Есть только один способ смести с лица земли внутренних врагов Советской власти и отбросить врагов внешних. Это — до самых низов поднять

массы трудящихся» — так высоко оценивал ЦК партии роль массовой агитации.

По предложению Алексакиса была создана агитационная коллегия, ведавшая массовой работой и созданием партийных ячеек. Партийный комитет обязал каждого члена партии подчиняться агитколлегии и выступать не менее раза в неделю. Ориона назначили председателем коллегии.

Почти ежедневно Орион выступал на митингах и различных собраниях. «Кто и зачем воюет с Советской властью?», «Положение на фронтах», «Что дает Советская власть трудящимся?» — его доклады находили широкий отклик.

Два раза в неделю вел занятия в партийной школе. Публиковал острые и злободневные статьи в местной газете. Помогал партийной ячейке железнодорожного депо, где был крупный рабочий коллектив, вести борьбу с окопавшимися здесь меньшевиками. Разъяснял рабочим кожевенных предприятий предательскую роль меньшевиков и добился изгнания их из правления профсоюза кожевников.

Особенно ответственно относился Орион к тем, кто вступал в партию. Он подробно беседовал с каждым, стремясь понять, что привело человека в партию, чего можно от него ожидать, какую работу можно доверить. Увидев, как внимательно и требовательно Алексакис подходит к людям, партийный комитет поручил ему, самому молодому по возрасту коммунисту Вятки, разбор персональных дел.

Когда уездный военком Гуськов оскорбил мобилизованных в армию рабочих, Алексакис настоял на обсуждении этого факта партийным комитетом.

Кто-то возразил:

— Стоит ли? Мало ли что бывает под горячую руку...

— Нет,— настаивал Орион,— это не пустяк. Рабочих оскорбил комиссар-коммунист. И масштаб проступка надо определять по тому, как к этому относятся массы.

Виновный был снят с работы и исключен из партии.

На заседании парткома как бы вскользь прозвучало замечание о том, что высокомерно повел себя один из «москвичей» — Урановский.

Орион был уверен, что Урановский на это не способен:

— Мимо такого заявления нельзя пройти,— возмутился он.— Опросите всех присутствующих, я убежден, что никто не подтвердит такого обвинения.

И он не ошибся. Вместе с Урановским Орион формулирует постановление, единогласно принятое комитетом:

«Представитель ни в коем случае не может быть диктатором по отношению к местным товарищам, куда он командирован центром. С другой стороны, местные товарищи не могут связывать представителя и диктовать ему свою волю. Все мероприятия и шаги местного творчества могут быть созданы только с их общего согласия и единодушия...».

Алексакис хорошо запомнил слова Я. М. Свердлова: «Не командовать, а сплачивать». С руководящим ядром вятских коммунистов — председателем губисполкома Н. Поповым, его однофамильцем М. Поповым, Н. Лагутиным, П. Капустиным и другими — у него установились деловые и дружеские отношения.

— Пройдемся,— неожиданно предложил Орион «москвичам» после одного затянувшегося заседания парткома,— хороша ночь, проветримся немного...

— И я с вами,— присоединился председатель ЧК Петр Капустин.

Пустынными улицами, мимо домов с наглухо закрытыми ставнями, они направились к городскому саду.

— Черт возьми,— вдруг сказал Стругацкий.— Кипит революция, дела огромные творятся, мир переворачивается, а в саду спокойно бродят влюбленные!

— Даже оркестр по субботам,— рассмеялся Алексакис.— Позавидовал, Аркадий? Разве наша жизнь не прекрасна, хоть и не гуляем мы в этом тихом саду? Любовь? Будет и любовь, все будет... Ребята, а если искупаться?

— Ночью? Темно же...

— Так ведь днем некогда. Пошли, посмотрите, как у нас в Севастополе плавают!

Смеясь и подталкивая друг друга, они сбежали с крутого откоса, быстро разделись и бросились в воду. Орион с наслаждением нырял, оставаясь под водой так долго, что друзья начинали волноваться. Нырнув, он

подплыл к Стругацкому и схватил его за ногу.

— С ума сошел, ошалел, что за шутки,— отбивался Аркадий.— Ну мальчишка, совсем мальчишка. Оставь, перестань...

Освеженные купанием, довольные и веселые, возвращались они в общежитие. Разговор зашел об истории города.

— Да, богатое прошлое у нашей Вятки,— задумчиво сказал Петр Капустин.— Сколько ссыльных здесь перебывало: Герцен дружил с архитектором Витбергом, тоже ссыльным, Салтыков-Щедрин, Короленко, издатель Павленков, польские революционеры... Художник Виктор Васнецов — вятич. А вятского поэта Кострова сам Пушкин помянул.

— А какой вид оттуда открывается! — он показал на колоннаду ротонды, украшавшей высокий берег реки Вятки. И тут же перешел на другое:

— Вчера при обыске в женском монастыре нашли пулеметы и винтовки, целый склад. Откуда? Монашки молчат: «Не ведаем, мол». Ничего, разберемся. Ниточка зацепилась. Мои ребята там покрутились, кое-кого приметили...

Вскоре Вятский комитет командировал Алексакиса с правом решающего голоса на губернский съезд совнархозов и поручил ему сделать доклад о текущем моменте.

В дни, когда еще шли жаркие бои за Советскую власть, участники съезда обсуждали проблемы дорожного строительства, развития местных промыслов, обеспечения сы-

рьем предприятий губернии. Разбирали проект сооружения Камско-Печорского водного пути. Рассмотрели перспективы освоения новых громадных земельных пространств и использования всех богатств нетронутого края. Крепко верили вятичи в силу народной власти, загадывали надолго.

Закрывая съезд, Алексакис — он вел все его заседания — сказал:

— Мы договорились относительно общего нашего поведения, уничтожили в значительной степени неясности, наметили план работы центрального аппарата, более ясно определили функции совнархоза и единую финансовую политику. К следующему съезду наша организация окрепнет, будут стоять более сложные вопросы, но и вы будете более подготовленными. Желаю вам успеха, товарищи, в укреплении нашего молодого социалистического хозяйства.

В конце июля собралась губернская партийная конференция, избравшая губернский комитет. До того его функции осуществлял городской комитет. Завершился важный этап укрепления партийной организации. А через несколько дней в двух уездах вспыхнули кулацкие восстания. Алексакису, как он ни рвался на их подавление с одним из посланных отрядов, пришлось оставаться в Вятке: создавался Вятский укрепленный район. Он должен был стать не только заслоном врагу, но и базой для будущего наступления.

Выполнить такую задачу нельзя было только военными мероприятиями. Требова-

лась активная помощь партийной организации. Однако назначенный командиром укрепрайона А. А. Медведев не понял этого. Ссылаясь на свои «особые полномочия», он игнорировал партийный комитет.

Алексакис настоял на немедленном обсуждении возникшего положения.

— Диктатура одного лица недопустима,— говорил он на заседании партийного комитета.— Командир района ответствен перед партией, а не только перед военными властями. Мы должны обеспечить контроль и создать Военный совет укрепрайона.

Но Медведев, согласившись с этим предложением, на деле гнул свое, с коммунистами не считался. Алексакис потребовал вторичного обсуждения вопроса: речь шла не о престиже, а о важнейшей принципиальной линии партии — недопустимости игнорирования партийного контроля военного командования. Недавняя измена командующего Восточным фронтом Муравьева особенно настораживала. Однако и на этот раз попытки убедить Медведева в ошибочности его позиции оказались напрасными. Орион предложил «сообщить суть разногласий в ЦК. Если положение не выправить сразу, это может привести к очень серьезным последствиям».

26 августа Я. М. Свердлов обратился с письмом в Реввоенсовет Республики.

«Посланный Вами в Вятку т. Медведев оказался крайне нетактичным, создавшим ряд конфликтов с вятскими товарищами, приведших к невозможности с ним рабо-

тать. Его необходимо оттуда убрать в интересах работы. Вообще при посылке на места надо иметь в виду, чтобы товарищи действовали в полном контакте с местными работниками. Особые чрезвычайные полномочия не должны переходить границ, за которыми начинается резко враждебное отношение местных работников. В Вятке сидит у нас хорошая публика, хотя в большинстве очень молодая. Среди них, как и в других местах, можно провести все, что требуется, нужны лишь такт и авторитет не на основании только бумажки, а на основе работоспособности, большого опыта и проч. Прошу сообщить, что предпримете по отношению к Вятке...»

Большая напряженная работа, хроническое недоедание сказались на здоровье Ориона. В начале сентября он серьезно заболел. Местные врачи не помогли. Пришлось отправить его на лечение в Москву.

«Дорогие товарищи! — писал Алексакис вятским коммунистам.— Уезжая из Вятки в такое время, когда трудно сказать наверное, вернешься или нет, я хотел бы передать вам привет и пожелания плодотворной работы... Мне очень дорога организация частей партии в Вятской губернии, а потому я очень просил бы извещать меня хоть изредка о положении дел. Я всегда готов помочь вам всем, чем хотите.

Одно, товарищи, разрешите вам напомнить: я позволяю себе это сделать, потому что между мною и вами никогда не было конфликтов и отношения были наилучшие.

Следите за тем, чтобы партия была выше всех учреждений — это единственное условие, при котором мыслима согласованная работа.

Жму руки тех товарищей, с кем не удалось проститься.

Мой адрес в Москве: I Дом Советов (Националь), № 317».

Спустя три месяца губком обратился в ЦК РКП(б) с просьбой вновь направить Алексакиса в Вятку. Но Орион уже был на подпольной работе на Украине, и из ЦК ответили, что выполнить просьбу в настоящее время нет возможности.

Всего два с половиной месяца провел Алексакис в Вятке, а запомнили его здесь на долгие годы. В 1927 году, к десятилетию Октября, был издан юбилейный сборник. В нем уважительно и тепло вспоминали представителя ЦК, поместили портрет. А юноши в рубашке с отложным воротником, с горящими глазами и мягкой улыбкой уже давно не было в живых.

«Поручение, данное мне Секретариатом ЦК, привел в исполнение»

В Москве, едва оправившись после болезни, Орион направился в ЦК партии.

— Зайдите к Якову Михайловичу,— сказала ему К. Т. Новгородцева,— он как раз недавно справлялся о вас.

Свердлов встретил его с улыбкой:

— А, горячий товарищ Алексакис...

«Запомнил же»,— огорченно подумал Орион.

— ЦК ведь еще месяца полтора назад разрешил вам вернуться из Вятки. Вид у вас еще болезненный, как себя чувствуете?

— Пришел за работой.

Свердлов посмотрел на исхудалое лицо с запавшими щеками, недоверчиво покачал головой.

— Пошлем вас во Владимир недели на три-четыре,— немного помедлив, сказал он,— провести курсы агитаторов из рабочих и крестьян. Нужда в агитаторах огромная, и Владимир Ильич придает немалое значение подобным курсам. Постарайтесь только не отвлекаться во Владимире на другие дела, сдерживайте свой темперамент.

С поручением ЦК Алексакис справился в срок. «Постановлением губкома от 5 октября 1918 года т. Алексакису поручена организация агитаторских курсов,— говорится в документах партархива Владимирского обкома КПСС.— 8 октября губкомом выдан мандат № 499 т. Алексакису в том, что он делегируется в объезд Владимирской губернии для инструктирования организаций и проведения митингов. 26 октября состоялись испытания на курсах агитаторов в составе тт. Алексакиса, Черноусова и Жирякова».

«Уважаемые товарищи! — писал Орион в Центральный Комитет партии 21 октября.— До сих пор не делал вам доклада, так как моя работа находилась в области пред-

положений и планов. В настоящее время смело могу сказать, что поручение, данное мне Секретариатом ЦК относительно организации школы, привел в исполнение. Тотчас же по приезде во Владимир мною было предложено губкому партии два плана школы: 1) краткосрочные агитаторские курсы, где можно было бы наспех приготовить митинговых агитаторов, и 2) более серьезные пропагандистские курсы для подготовки хороших марксистов и организаторов. Соответственно задачам программа первого рода курсов должна была удовлетворять двум целям: а) ознакомление слушателей с тем, что мы сделали и какую эпоху переживаем, б) научить их выступать; программа второго рода курсов должна знакомить слушателей с историей и философией нашей борьбы.

Привожу обе программы...

Учитывая потребность расшевелить массы как можно быстрее и наличность лекторских сил, губком остановился на первом типе школы с тем, что по окончании ее будет открыта для ответственных работников школа второго типа... Слушателей съехалось до 48 человек рабочих и крестьян коммунистов. Занятия ведутся очень интенсивно от 10 часов утра до 2 часов дня и от 4 [часов] дня до 9 часов вечера ежедневно. В две недели курс будет окончен и все уезды получат агитаторов.

...В свободные часы устраиваются для них лекции и сверх программы по таким вопросам, как материалистическое понимание

истории, сущность социалистического строя, анархический и марксистский коммунизм... И уездный и губернский комитеты партии получат новые силы. Я вижу, как они приобретают знания и привыкают говорить».

Поэт Александр Безыменский, член партии с 1916 года, работавший осенью 1918 года во владимирской губернской газете и в Союзе рабочей молодежи «III Интернационал», вспоминал:

— Впервые я увидел Алексакиса на митинге. Ораторы говорили восторженно и пространно всем уже известные вещи, повторяли общие слова. Вдруг выступил очень молодой незнакомый мне парень, сказал, что у нас много дыр и недостатков и надо о них говорить, а не увлекаться революционными фразами, ничего не дающими конкретно. Это не только мне понравилось. С митинга мы пошли вместе, разговорились, я узнал о цели его приезда. Зашли в редакцию.

Я рассказал ему о нашем Союзе молодежи. Алексакис очень живо всем интересовался, сразу схватывал суть дела. Было видно, что он с работой среди молодежи хорошо знаком и любит ее. Вскоре Алексакис принес в газету свою статью, а затем стал часто выступать на ее страницах. Он выезжал в уезды и после каждой поездки писал о своих впечатлениях, особенно о партийной работе на фабриках...

— Он быстро стал популярным оратором, красиво, ярко выступал,— говорил далее Безыменский.— Мне запомнилось его

выступление на общегородском митинге, посвященном освобождению Карла Либкнехта из тюрьмы. Тогда имя Либкнехта было символом международной борьбы и солидарности, и речь Алексакиса произвела огромное впечатление. Его смело можно назвать трибуном...

В конце октября 1918 года в Москве собрался I Всероссийский съезд союзов рабочей и крестьянской молодежи, ставший I съездом комсомола. Безыменский, делегат и член президиума съезда, по возвращении рассказывал Ориону:

— Ты представь себе,— мы были приняты Лениным! Пришли всем президиумом, стал Ильич нас усаживать, петроградку Женю Герр как девушку впереди всех, и спрашивает: «А сколько девушек было на съезде?» Черт меня дернул за язык, и я ляпнул: «Девять штук!» Мне потом прохода не давали с этими штуками. А какая буря поднялась на съезде, когда получили приветствие от Либкнехта!

Похвалившись избранием в ЦК,— вспоминал Безыменский,— я тут же подумал, что вот кого надо было выбрать в ЦК комсомола. Сказал об этом, а Алексакис засмеялся: «И без того можно работать среди молодежи. Я ведь уже давно на партийной работе».

«...Теперь о Владимире,— докладывал в ЦК Алексакис.— Здесь я принимал посильное участие в работе губкома партии, писал ежедневно в газете и выступал на ми-

тингах. Но, к сожалению, должен констатировать, что... ответственный работник, присланный сюда центром, тов. Островская не приучила местных товарищей к работе, наоборот, став председателем губкома, убивала всякую инициативу других. По-моему, следовало направлять работу исподволь, дабы можно было бы в любой момент оставить безболезненно организацию на местных товарищей...

Я старался не вмешиваться в организационную деятельность, чтобы не мешать выполнять тот план, который, полагал, все же есть у руководителей... Но теперь я должен вам заявить, что здесь работа идет очень слабо. Островская часто отлучается (последний раз на 13 дней), а в ее отсутствие все замирает... Когда же она приезжает, разбирают кучу дел, много шумят, выносят постановления ради постановлений, и все остается на бумаге... Здесь, безусловно, нужен постоянно находящийся во Владимире ответственный организатор...

Силы здесь есть, но не использованы и затерты... Эта часть моего доклада имела своею целью указание на недостатки местной жизни, дабы не было вредных иллюзий.

На днях думаю посмотреть, что делается в профессиональных союзах... и в союзе рабочей молодежи.

Пришлось также... участвовать на губернском съезде совнархозов...

Надеюсь, что конференция партии, которая должна состояться в ближайшем будущем, даст возможность избрать работоспо-

собный комитет, который при наличности дельного руководителя двинет работу.

Свою задачу я понимаю только в том смысле, в каком указано в мандате, и в посильной помощи всей работе. Поэтому от всех должностей отказываюсь.

С товарищеским приветом *О. Алексакис*».

28—30 октября 1918 года, сообщает архивная справка партархива Владимирского обкома, «т. Алексакис участвует в работе I губернского партсъезда. Был избран в состав президиума. Выступал с докладом. На съезде была принята резолюция, предложенная т. Алексакисом по текущему моменту, и дополнение к резолюции по организационному вопросу.

...т. Алексакис был избран в состав губкома партии».

Делегаты съезда хотели закрепить Ориона на работе во Владимире. Как и в Вятке, он быстро приобрел здесь широкую популярность и общее уважение. Вероятно, он возражал против избрания, указывал на временный характер своего пребывания. Не случайно же в докладе ЦК Орион сообщал об отказе «от всех должностей». Очевидно, их предлагали ему еще до съезда. Теперь же его поставили перед фактом: раз избран в губком, придется остаться.

Но этого не произошло; свидетельством чему краткая телеграмма:

«Владимирскому губкому Р. К. П. (большевиков) № 1159 Ц.К. предлагает откомандировать т. Алексакиса в распоряжение Ц.К.».

Но на VI Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов Орион все же попал как представитель Владимирской губернии.

В «Алфавитной книге городов», откуда прибыли делегаты, записан делегат от города Вязники Владимирской губернии Алексакис Орион Христофорович. Сохранилась и его анкета.

Вот выдержки из нее:

Чрезвычайный 6-й Всероссийский съезд Советов Раб., Крест., Красноарм. и Казачьих Депутатов

Анкетный лист

1. № билета — *465.*

2. Фамилия — *Алексакис.* Имя — *Орион.* Отчество — *Христофорович.*

3. Какой партии принадлежите — *РКП (больш.).*

4. От какого Совета делегированы — *Вязниковским Советом Р. и К. Д.*

5. Адрес — *Вязники.* Губерния — *Владимирская.*

6. От какого количества избирателей населения — *157000.*

8. Участвовали ли Вы в предыдущих съездах Советов — *на IV чрезвычайном.*

9. Возраст — *20 лет.* Национальность — *грек.*

11. Профессия — *Парт. работник профессионал.*

13. Политический стаж:
   1) Когда Вы вступили в партию — *в 1917 году.*
   2) Участвовали ли Вы в руководящих органах партии, где и когда — *в Севастополе, Киеве, Вятке, Владимире в губ. и гор. ком.*

Зал Большого театра был переполнен до отказа, когда 6 ноября Я. М. Свердлов открыл съезд. Овацией встретили делегаты сообщение о начавшейся революции в Германии и телеграмму из Берлина от Франца Меринга, старейшего деятеля немецкого рабочего движения:

«Шестому съезду Советов сердечное поздравление и привет.

С восторгом смотрим мы на вас — самых сознательных и самых последовательных представителей принципов социализма, самых достойных преемников идей Карла Маркса, мужественных передовых борцов III Интернационала, который будет действовать, а не болтать.

Ваша борьба есть наша борьба.

Ваша победа — наша победа.

Пусть счастье сопутствует вам во всех бурях настоящего и будущего».

На трибуну вышел Ленин. Овация вспыхнула вновь... Ленин смотрел на часы, нетерпеливо поворачивался к президиуму, показывал на председательский колокольчик. Но радость выплескивалась все новыми волнами аплодисментов. Радость светилась и на лице Ленина. «Советская респуб-

лика растет»,— уверенно сказал он в докладе, подводя итоги первого года Советской власти.

В один из перерывов Свердлов подозвал к себе Ориона:

— Рад видеть вас здесь. Ну что ж, пора на новую работу. Зайдите после съезда.

Новое назначение оказалось неожиданным: на Украине еще хозяйничали немецкие оккупанты и буржуазные националисты, и Ориона направили в помощь харьковскому подполью.

Перед отъездом Алексакис еще раз побывал во Владимире, чтобы выступить на губернском съезде Советов с докладом об итогах Всероссийского Чрезвычайного съезда:

— Я был вашим делегатом и обязан отчитаться.

Зимой девятнадцатого

Он тщательно выучил свою новую биографию, до последнего слова запомнил текст документов, которыми его снабдили в Загранбюро, в отделе по связи с закордонной Украиной. Позади ночной переход границы. Поезд идет на Харьков.

В вагоне не очень людно. И хотя многие в солдатских шинелях — вид у них подозрительный. Почти все сдержанны, больше молчат. Друг друга оглядывают с опаской.

Поезд приближается к Харькову, и люди оживляются. Женщина с холеным лицом, в

пестром платке, какие носят крестьянки, говорит, ни к кому не обращаясь:

— Говорят, часто налеты бывают, грабят...

Но человек в солдатской шинели, стоящий у окна, радостно восклицает:

— Немцы, господа, немцы!

Едва поезд остановился, в вагон вошел немецкий офицер в сопровождении нескольких человек в непривычной форме.

— Гайдамаки,— тихо сказал кто-то,— войско гетмана Скоропадского... Или атамана Петлюры?

Выпускали из вагона по одному. Вглядывались в лица, манеру держаться. Гайдамак что-то говорил немецкому офицеру, тот кивал головой, и тем проверка заканчивалась.

Человек, столь радостно приветствовавший немецкого офицера, быстро подпорол подкладку, вынул документы, откозырял и представился.

Следом шел Орион. Гайдамак внимательно посмотрел его паспорт:

— Куда направляетесь?

— На родину.

Все обошлось благополучно.

Орион долго бродил по улицам, проверяя, нет ли слежки. Останавливался у витрин, читал афиши, расклеенные на стенах домов и высоких круглых тумбах.

Среди реклам концертов Александра Вертинского, спектаклей оперетты, рядом с объявлениями о предстоящем на Николаевской площади молебствии «о даровании победы и ниспослании успеха» белели прика-

зы «державной варты» — полиции: «Каждому указавшему большевика выдается вознаграждение от 15 рублей и выше».

И рядом:

«Лица, виновные в подстрекательстве рабочих к забастовке или к насилию против правительства, или к разрушению или повреждению железной дороги, и особенно агитаторы, призывающие на собраниях, подлежат смертной казни». Это угрожал немецкий комендант города.

Явка оказалась в порядке. С помощью новых товарищей Орион устроился корректором в небольшую типографию и немедленно включился в подпольную работу: составлял листовки и распространял их, связывался с надежными людьми на заводах, помогал рабочим группам готовиться к восстанию. Подпольный партийный комитет наметил восстание на момент приближения Красной Армии к Харькову.

Одним из руководителей подпольщиков был Ян Гамарник, хорошо знавший Алексакиса по Киеву.

— Могу сообщить тебе свежие новости из Крыма,— сказал он Ориону при первой встрече.

— Откуда? Кто-нибудь приехал?— обрадовался Алексакис.

— Сам недавно побывал. Тяжко им. И сил маловато, и оккупанты зверствуют. ЦК направил в Крым несколько человек в помощь. Там тебя помнят, особенно матрос один, здоровенный такой.

— Назукин?

— Вот именно. Расспрашивал о тебе, но я ничего не знал. Теперь могу передать весточку, связь у нас налажена.

— Если бы ты знал, товарищ Ян, что это за человек! А как положение в Севастополе? Тянет меня туда...

— Комитет партии действует, выпускают листовки, налаживают военную работу. Был провал, но подробностей не знаю. Не грусти, еще побываешь в своем Севастополе. Да, ты же немецкий знаешь?!

— Немного. Хуже, чем французский.

— Пойдешь на встречу с немцами.

Орион участвовал в переговорах с представителями немецких солдат. Начавшаяся в Германии революция вызвала брожение в немецком гарнизоне. Солдаты требовали возвращения на родину, искали контактов с большевиками. Подпольщикам удалось получить от них немного оружия.

Влияние большевиков на заводах росло быстро. Петлюровские власти вынуждены были разрешить выборы в Совет рабочих депутатов. Но когда Совет собрался на свое первое заседание — Орион присутствовал на нем,— ворвавшиеся в зал гайдамаки арестовали весь только что избранный президиум. Ответом явилась всеобщая забастовка. Она парализовала жизнь города, и власти освободили арестованных. Это была первая победа.

А в ночь на 2 января 1919 года началось восстание харьковского пролетариата. 3 января город был освобожден. В тот же день в него вступили передовые отряды Красной

Армии. С ними прибыли члены Совнаркома Украины.

Подполье кончилось. Харьковские большевики избрали новый партийный комитет из пяти человек: Федор Артем, Ян Гамарник, Борис Магидов, Петр Кин и Орион Алексакис.

Отпечатали партийные билеты, и Орион получил в Городском райкоме еще пахнувшую типографской краской книжечку за № 18. Он бережно положил ее в нагрудный карман.

С трудом налаживалась жизнь в освобожденной столице Украины. Город часто погружался в темноту, прекращалось движение трамваев. Нехватка угля повлекла за собой перебои с электроэнергией. Свирепствовал сыпной тиф. Большинство школ бездействовало. Многочисленные бандитские шайки терроризировали жителей. В городе оставалось немало враждебных элементов. Они сеяли провокационные слухи, запугивали население, пытались дискредитировать каждое начинание новой власти.

Пожалуй, никогда прежде Ориону, назначенному заведующим агитационным отделом Харьковского комитета партии, не приходилось так часто выступать самому и организовывать выступления других. На заводах города и в селах. На еженедельных районных митингах вместе с руководителями партии Украины. Речь шла о положении на фронтах, о первых шагах Советской власти, о событиях на Западе, обо всем, волновавшем рабочих.

Агитотдел издавал листовки, распространял литературу, организовывал партийные ячейки, занимался работой среди женщин. И конечно же, как и в Вятке и во Владимире, Алексакис был одним из организаторов партийной школы и читал лекции на занятиях.

Не освобождая Ориона от работы в губкоме партии, его выбрали членом Городского райкома, самого крупного в Харькове. В составе райкома было всего шесть человек, и на каждого, естественно, лег немалый груз. Но Ориона это не смущало. Он умудрялся поспевать всюду. И был счастлив этой, сверх края насыщенной жизнью. Даже выкраивал время для чтения. Урывал его от короткого сна, читал в пути.

— Орион и во сне, наверное, переворачивает страницы,— улыбались товарищи.

Десятки тысяч харьковчан собрались на Николаевской площади, узнав о зверском убийстве в Берлине Карла Либкнехта и Розы Люксембург, вождей германской революции.

«Красный Карл» не боялся судов и тюрем. Имя Либкнехта стало символом международной солидарности пролетариата.

— Надо жить только так, как жил Либкнехт,— говорил Орион на митинге протеста против убийства звенящим от волнения голосом. И все слушавшие чувствовали, что юноша готов, как Либкнехт, в любую минуту отдать жизнь за свои убеждения.

— Либкнехт был лучшим другом нашей революции, нашим соратником,— закончил

Алексакис свою речь.— Враги боялись его, ненавидели и подло убили. Но пролетарскую революцию они не убьют. Она победит!

После Ориона выступил со своими стихами поэт Алексей Гастев.

«7 февраля состоялась городская партийная конференция,— сообщали харьковские газеты.— Доклад о работе комитета сделал т. Артем, а о работе агитотдела т. Алексакис».

Федора Артема в Харькове знали хорошо: в революцию пятого года он, тогда 23-летний юноша, руководил здесь вооруженным восстанием. Орион много слышал о его исключительной энергии, находчивости, смелости, твердой воле. Рассказывали, как Артем спрятался однажды от полиции в пустом гробу в часовне, как он совершил дерзкий побег из сибирской ссылки через Маньчжурию в Шанхай (с 70 копейками в кармане!), как возглавил труднейший переход отряда донецких шахтеров к Царицыну, когда белые захватили Донбасс. Орион любил Артема и даже немного подражал ему.

Молодежной организации в Харькове не было: почти все члены Социалистического союза молодежи ушли из города, когда Красная Армия отступала.

Кроме заведования агитотделом Алексакису поручили работу среди молодежи и назначили председателем оргбюро будущей комсомольской организации. Алексакис начал с выпуска воззвания:

«Черные дни миновали. Мы вышли из подполья и можем свободно строить свою жизнь. Мы ждем, товарищи, что вы окажете нам поддержку и все, как один, придете на организационное собрание».

Он побывал в рабочих районах и на крупнейших заводах города Гельферих-Саде и Мельгозе.

«Вагонные мастерские. Первое собрание молодежи, всего человек двести пятьдесят,— вспоминал впоследствии участник гражданской войны П. Черняков.— Говорит сначала т. Алексакис, потом я. Выступает один, другой, кто-то из взрослых, потом — запись. Толпятся, ставят каракули. Записалось около шестидесяти человек. Выбирают бюро, секретаря. Рады. Расспрашивают про клуб».

По дороге на это собрание Алексакис приметил неподалеку от мастерских заброшенное здание и посоветовал устроить в нем клуб. Комсомольцы привели помещение в порядок, застеклили окна, подлатали крышу, сколотили из старых досок двери и скамейки. И, вывесив над входом красный флаг, объявили «Клуб молодых» открытым.

Отгородили уголок для читальни. Орион помог обзавестись книгами и журналами, организовали кружки военного дела, драматический, спортивный. В клубе горячо обсуждались последние события, отсюда провожали на фронты. Орион любил приходить сюда, беседовал, спорил, советовал. Узнавал о настроениях рабочей молодежи.

Первое общехарьковское собрание комсомола провели в середине января, а 7 февраля Алексакис докладывал партийной конференции города:

«На большинстве предприятий Харькова уже созданы ячейки, и к 10 числу будут сконструированы районные комитеты. К 15-му надеемся созвать городскую конференцию, которая явится завершением первой стадии работы и выберет Харьковский комитет. Приняты меры к изданию журнала. Организуется ряд клубов. Основянский и Холодногорский уже открыты. На очереди дня создание губернского и общеукраинского центра молодежи».

Делегаты первой конференции представляли более 700 комсомольцев. Немало по времени и обстоятельствам. Ведь комсомольская организация Харькова только создавалась.

О высоких качествах Алексакиса, руководителя молодежи, его такте, находчивости, об умении убеждать вспоминает С. И. Парцевский, бывший секретарь Петинского райкома комсомола:

«Алексакис вел эту конференцию, сделал основной доклад. Он здорово задел меня за возражения против приема учащейся молодежи. Я был в числе тех, кто не доверял учащимся. Алексакис в докладе привел убедительные аргументы, разбил нас в пух и прах. В части теории он вообще был несравненно сильнее всех делегатов.

Но, горячо и беспощадно критикуя меня и других, стоявших на той же точке зрения,

Алексакис вместе с тем говорил очень тактично и предложил дать мне слово для обоснования своих взглядов. Выступив третьим или четвертым, я сказал, что критика меня убедила. Тут же Алексакис заявил: раз так, ко мне вопросов больше нет.

Закрывая конференцию, Алексакис говорил о широком вовлечении молодежи в комсомол, помощи партии во всех ее начинаниях, о борьбе с националистами. Подробностей я, конечно, не помню, больше пятидесяти лет прошло, а вот ощущение вдохновенности его речи не забылось. Удивительный был оратор, покоряющий».

С немалым трудом Алексакис установил связь с рядом местных организаций, в том числе и подпольных, действовавших на еще оккупированной части Украины. От имени харьковчан он пригласил их на конференцию, чтобы создать оргбюро по созыву Всеукраинского съезда комсомола.

Удалось приехать только представителям Киева, Полтавы, Одессы и Херсона. Поэтому оргбюро не создали, но начало подготовки будущего съезда было положено.

«Мы убеждены, что в самом скором времени объединенная во всеукраинском масштабе коммунистическая молодежь сольется в один союз с коммунистической молодежью России», — говорилось в приветственной телеграмме Центральному Комитету РКСМ, посланной конференцией. Эти слова прозвучали с особенной силой в дни, когда буржуазные националисты вели раз-

нузданную агитацию против братства украинского и русского народов.

Будущий съезд Алексакис рассматривал как важнейшее событие общероссийского коммунистического юношеского движения.

«Алексакис предложил мне заняться выпуском журнала,— рассказывает П. Е. Осипова, член партии с 1918 года.— Он не раз говорил о необходимости журнала для укрепления всей комсомольской работы и создания общеукраинской организации. На заседании Харьковского комитета комсомола утвердили редколлегию: Алексакис, Чернуха и я. Хотя партийная работа отнимала у Алексакиса почти все время, он часто встречался с комсомольским активом, советовал, что и как делать, посещал наши собрания. И для журнала сделал много, написал статью о задачах союза, потом еще одну — о совместной работе с органами народного образования, выбрал стихи Верхарна и Гастева, подсказал темы других статей. Написала статью и я, подобрали побольше разной хроники, и так составился первый номер «Юного коммуниста».

Алексакис всегда был чем-то увлечен, и стоило ему появиться в союзе, сразу начиналось общее оживление. Я видела в нем своего учителя, хотя разница в возрасте была совсем небольшой. Даже «вы» ему говорила, а не обычное тогда в комсомоле «ты». Был он на голову, если не на две, выше всех остальных в нашем союзе, очень

эрудирован. Откуда такая эрудиция в 19 лет, не знаю, но так это было. Я отношу ее за счет его особенного умения разом схватывать суть каждого вопроса и все запоминать. Орион обладал просто потрясающей памятью. Читая много и очень быстро, он анализировал и ничего не забывал. Умел отметать второстепенное, выделить главное, решающее и на нем сосредоточивать внимание и силы.

Он и внешне был приметен: высокий, с большой шевелюрой, всегда оживленный, общительный, одухотворенное лицо, острый взгляд. А об одежде мало заботился, ходил, кажется, всегда в одном и том же свитере, даже не припомню его в другой одежде...»

Создание новой, советской школы проходило в трудных условиях. Далеко не все учителя поддерживали идеи трудовой школы. Сопротивлялись и учащиеся бывших гимназий, особенно старших классов. Резкие столкновения произошли и на губернском съезде учащихся, в проведении которого Алексакис принял деятельное участие.

Выступившего первым наркома просвещения Украины В. Затонского встретили шумом и свистками. Он спокойно сказал:

— Мы знали, что, идя сюда, встретим и друзей, и недругов. Но даже если бы все нынешние учащиеся были против нас, мы бы все равно проводили реформы, создавая единую трудовую школу...

В своем выступлении Алексакис припомнил московский съезд учащихся весной сем-

надцатого года: «Мы оказались тогда по разные стороны баррикад. Но не для буржуазных сынков создается трудовая школа. Мы зовем всех, кто хочет быть вместе с народом, кто хочет учиться в новой школе, помогать ее созданию. Комсомол окажет нам полную поддержку. Я приветствую вас от имени Харьковского комитета партии и призываю к совместной работе».

Настроение удалось переломить. Съезд закончился принятием приветствия комсомолу и демонстрацией под большевистскими лозунгами.

Это происходило в марте. В марте же на Всеукраинский партийный съезд в Харьков приехал Я. М. Свердлов.

— Приближаются дни наступления на Крым,— сказал он Ориону.— Гавен недавно беседовал с Владимиром Ильичем и готовится к возвращению туда. Он говорил со мной и о вас. Хотите в Крым?

— Конечно!

Ориону показалось, что Свердлов болен или очень устал. Но, услышав его чеканный голос с трибуны съезда, увидев уверенные жесты, решил, что ошибся. На самом же деле Свердлов, выступая на съезде, был уже болен испанкой, как тогда именовали эпидемию тяжелого гриппа, охватившего всю Европу.

В Москве Свердлов слег, и врачи признали его положение безнадежным.

Алексакис переживал смерть Свердлова как потерю самого близкого человека. Он припоминал встречи с ним, беседы, речи

Свердлова, которые ему приходилось слышать, его улыбку. Пожалуй, впервые Орион думал о смерти с такой острой болью, со столь горьким ощущением ее неотвратимости.

Но жизнь требовала деятельности, не оставляла времени на горе и переживания.

Пришла весточка от Назукина из Крыма: предателям удалось проникнуть в Севастопольскую организацию, был тяжкий провал, но подполье живет, действует. Орион рассказал об этом на заседании губкома. Три вопроса в протоколе этого заседания: о мобилизации членов партии на Южный фронт, о Союзе молодежи — доклад Алексакиса и его же сообщение о положении в Крыму.

Для Ориона это заседание оказалось последним: в начале апреля его назначили политическим комиссаром 1-й Заднепровской дивизии.

Даешь Крым!

Алексакиса заставили долго ждать перед дверями кабинета, где шло совещание штаба дивизии. Потом наконец пригласили, и он увидел громадную фигуру Дыбенко, низкорослого, съежившегося Махно, по-офицерски подтянутого атамана Григорьева.

Разговора не получалось. Дыбенко долго вертел конверт с направлением и с разными интонациями, то вопросительными, то ироническими, повторял:

— Комиссар, значит? Политический комиссар?

Махно, подняв голову, пристально взглянул на Ориона, потом встал, подал Дыбенко вялую руку и, уходя, сказал:

— Ко мне не приезжай, комиссар, убьют...

Григорьев подошел к Алексакису:

— И ко мне не советую.

Дыбенко, снисходительно поглядывая на Алексакиса, ожидал его ответа.

— Обязательно приеду к вам обоим,— нашел в себе силы сказать Алексакис, как бы принимая любезное приглашение.

Он знал, что Дыбенко, бывший матрос, подпольщик, председатель Центробалта в Кронштадте, выдвинулся как крупный военачальник. Но слышал и о его крутом и упрямом характере. И понимал, что ему, комиссару, да еще несравненно более молодому, будет нелегко. Сам факт его назначения Дыбенко принял настороженно.

Заднепровская дивизия была разнородным воинским соединением. Она составилась из трех самостоятельных частей, действовавших на различных направлениях фронта.

Первая бригада — несколько полков Красной Армии — наступала на Крым. Вторая состояла из отрядов анархиста батьки Махно, зимой 1919 года перешедшего на сторону Советской власти и сражавшегося на Екатеринославщине. Бывший петлюровский атаман Григорьев командовал третьей бригадой, куда входили его же отряды, и

вел бои на Херсонщине. От Махно и Григорьева можно было в любой день ожидать измены. Однако обстановка не позволяла не только переформировать бригады, а сколько-нибудь серьезно вмешаться в их жизнь. Практически Махно и Григорьев сохраняли почти полную самостоятельность. Выполняли, правда далеко не всегда и точно, боевые приказы начдива, но всячески сопротивлялись присылке комиссаров.

Орион решил начать с первой бригады, полки которой 4 апреля подошли к Перекопу. Даже в ней, сравнительно надежной, были сильны традиции партизанщины. Появление комиссара вызвало настороженность командиров, привыкших действовать бесконтрольно. Но личная храбрость в бою, горячие речи Ориона на митингах, занятия с красноармейцами быстро создали ему авторитет.

11 апреля стал советским Симферополь. Жители устлали улицы города свежескошенной травой, словно зеленым ковром. На центральной площади открылся митинг. Первым выступил Ю. П. Гавен, направленный ЦК партии для руководства советским Крымом. Здесь, на площади, и встретился с ним Алексакис. Они обнялись, и Гавен спросил:

— Забрать тебя из армии?

Ответить Алексакис не успел. Кто-то незаметно подошел сзади и сжал его в объятиях.

— Кости переломаешь, медведь! Иван, ты?

— Я, Орион, я,— весело смеялся Назукин, вместе с другими подпольщиками встречавший Красную Армию.— Вот и свиделись...

— Познакомься,— Гавен представил Ориону высокого здоровяка, с черными глазами на возбужденном лице,— товарищ Субхи, турок, прибыл из ЦК вести работу среди мусульман.

Тот крепко пожал руку Ориону.

— Ты грек, товарищ?

— Да, но какое это имеет значение?

— Для нас с тобой никакого. Но трудно забыть о вековой вражде турок и греков, будь она проклята! Пусть наша дружба станет примером!

Окончив Сорбонну — университет в Париже, Мустафа Субхи вернулся в Турцию. За прогрессивную деятельность был арестован и приговорен к пожизненной каторге. Через два года ему удалось бежать и на крохотной лодчонке добраться до русских берегов Черного моря. В России он выступал против империалистической войны. Его сослали сначала в Калугу, а затем на Урал, где он вскоре угодил в тюрьму. После революции стал большевиком, работал среди военнопленных турок и был одним из основателей и председателем Коммунистической партии Турции. Субхи участвовал в организации Коммунистического Интернационала и на I конгрессе Коминтерна был избран членом Исполнительного Комитета.

Под его руководством и при его непосредственном участии были переведены на турецкий язык «Манифест Коммунистической партии», работы В. И. Ленина.

Через несколько дней был создан Крымский областной комитет партии. В него вошли Ю. Гавен, Д. И. Ульянов, И. А. Назукин, М. Субхи, О. Алексакис и другие. Ориона избрали также в бюро обкома.

В один из следующих дней он рассказал Гавену о положении в дивизии, своих сложных отношениях с Дыбенко. Характер Дыбенко был известен Гавену. Он обещал поддержать Ориона.

— Линия твоя правильная. Но сейчас я о другом. Освобождение Севастополя — дело ближайших дней. Туда нужен руководитель. Речь идет о тебе.

— Вы знаете, что для меня Севастополь,— горячо начал Алексакис и вдруг осекся: — Нет, слишком трудное положение сейчас в дивизии. Нельзя сейчас уходить.

Гавен ничего не ответил. А в Москву, Подвойскому, и в Киев, представителю ЦК РКП(б) Раковскому, была отправлена телеграмма:

«Просим освободить срочно от обязанностей политкома первой Заднепровской дивизии товарища Алексакиса для ответственной партийной и советской работы в Крыму».

Деникинцы отступали панически, и казалось, что судьба Керчи уже решена. Но на Ак-Монайском перешейке мощный артиллерийский огонь, открытый с моря броне-

носцами интервентов, остановил наступление дивизии. Здесь прошла новая линия фронта: Керчь осталась у белых, сохранивших свой плацдарм в Крыму.

Севастополь удалось освободить не сразу. Белые бежали из города, но французская эскадра не собиралась его покидать. Когда передовые части первой бригады подошли к Севастополю, по ним был открыт ураганный огонь: 6 броненосцев, 2 крейсера, 11 миноносцев, свыше 10 тысяч пехоты — силы были слишком неравными.

Планы интервентов разрушили французские моряки. 20 апреля на двух броненосцах взвились красные флаги. Часть команд, съехав на берег, устроила демонстрацию с требованием возвращения на родину. Впереди несли флаг: «Да здравствуют большевики!». Верные командованию части открыли по демонстрации огонь. 14 матросов было убито, многие ранены. Возмущение охватило большинство кораблей. Командующему эскадрой адмиралу Аметту пришлось отдать приказ об уходе из Севастополя.

«...Англо-французские солдаты не желают сражаться против Советской России, и в этом — залог нашей победы,— говорил В. И. Ленин в первомайские дни на Красной площади Москвы.—...Сегодня в освобожденном Севастополе развевается красное знамя пролетариата...»

...Стоя на Графской пристани, Орион смотрел на море. Медленно скрывались за

горизонтом силуэты французских кораблей. Полной грудью он вдыхал ни с чем не сравнимый воздух, в котором смешались запахи моря, порта, цветов и деревьев весеннего Севастополя. Рассмеялся без всякой причины. Нагнувшись, зачерпнул горстью воду. Пропустил ее медленно сквозь пальцы, все еще улыбаясь. Потом отряхнул руки и пошел наверх. Сначала не торопясь, затем почти бегом по пологим ступенькам широких лестниц, которые вели на Приморский бульвар. Пора было возвращаться в Симферополь, в дивизию, к фронтовым делам и заботам.

Но в тот же день принесли телеграмму: «Направить политкома Алексакиса в распоряжение Крымского обкома».

Алексакис, назначенный председателем ревкома, занимался подготовкой выборов Совета рабочих депутатов и созданием аппарата Советской власти, ликвидацией бандитизма и охраной города, выпуском газеты и снабжением города хлебом, восстановлением трамвая и водопровода, поисками денежных средств.

В Севастополе все требовало немедленного решения, ничего нельзя было откладывать. Только что отвоеванный клочок земли мог в любой день превратиться во фронтовую полосу.

Ежедневно слышали севастопольцы выступления Ориона: всюду, где нужно было рассказать о положении дел, объяснить задачи, воодушевить — на общегородских митингах и перед рабочими Морзавода, на

собраниях комсомола и в профсоюзах, на открытии «Пролетарского клуба «III Интернационал»» и на проводах уходившего на фронт отряда.

«Алексакис вместе с Занько (зампредревкома) руководил всей партийной и советской работой в Севастополе в 1919 гаду,— вспоминал много лет спустя Ю. П. Гавен.— Он был одним из самых выдающихся крымских работников». В эти дни в Крыму находились Д. И. Ульянов, А. М. Коллонтай, М. Субхи и другие опытнейшие работники, широко известные в партии. И среди них — 19-летний Орион.

Наркомом просвещения в Крыму был назначен И. А. Назукин. Он часто приезжал в Севастополь, встречался с Орионом на заседаниях обкома. По-прежнему они делились мыслями и планами. Вместе с Назукиным Орион навестил родных в Балаклаве.

Ночью, когда все в доме спали, Орион вышел на галерею дедовского дома. Снова тишина, как бывало, охватила его. Но как изменилась его собственная жизнь. Два года назад, он, еще школьник, лишь начинающий разбираться в жизни, стоял здесь, охваченный смутными волнениями и мечтами, еще не зная, как найти себя в борьбе за людское счастье. Теперь он — руководитель советского Севастополя, возмужавший, прошедший через бои и подполье, выполняющий трудные поручения партии, профессиональный революционер. А что впереди?

Заботы завтрашнего дня мешались с мечтами о будущем: победим Деникина, в стране расцветет мирная жизнь...

Утром он расстался с Назукиным. Тот отправился в Ялту, чтобы лично сообщить сестре А. П. Чехова Марии Павловне решение крымского правительства: дом писателя объявляется национальным достоянием, выделяются средства на его содержание, а ей установлена пожизненная пенсия. Орион же вернулся в Севастополь, в ревком.

Здесь его ожидали представители клуба имени Плеханова: военный комендант приказал переименовать клуб, назвав его именем кого-либо из борцов пролетарской революции.

— Наименование клуба — дело самого клуба,— ответил им Орион.— Комендант не имеет к этому никакого отношения. А имя Плеханова дорого каждому марксисту.

Их сменили другие посетители. Потом он поехал на Морзавод, а вернувшись, увидел ожидавшего его Назукина. Оказалось, что Иван Андреевич из случайного разговора в Ялте узнал о подозрительных делах на контрольном пункте, ведавшем выдачей разрешений на въезд и выезд из Севастополя. И специально вернулся, чтобы рассказать об этом Алексакису.

Расследование подтвердило, что один из работников контрольного пункта — взяточник. Алексакис тут же, пользуясь правами председателя ревкома, арестовал его.

— Это наш позор,— накинулся он на военного коменданта, в ведении которого находился контрольный пункт.— Преступлением будет, если трибунал не расстреляет мерзавца.

Личная безупречность Алексакиса, его исключительная честность, щепетильность были широко известны. Единогласно его избирают в состав партийного суда, созданного для рассмотрения проступков коммунистов.

М. И. Калинин говорил, что обязательной чертой настоящего революционера должен быть пролетарский гуманизм, что коммунист, который не любит людей,— не коммунист. Всякий приходивший к Алексакису мог быть уверен, что председатель Севастопольского ревкома не пожалеет сил и времени, чтобы помочь человеку.

...Бег событий становился все стремительнее. Поднявшему восстание атаману Григорьеву удалось захватить Херсон, Николаев, Кременчуг и ряд других городов. В конце мая изменил Махно. Ликвидация обоих восстаний отвлекла крупные силы Красной Армии. Этим немедленно воспользовались деникинцы. Перейдя в наступление, они заняли Донбасс и продвигались к Харькову. Положение Крыма стало угрожающим.

Крымский обком и правительство Крыма призвали всех к оружию. 23 мая собрание севастопольских большевиков объявило мобилизованными всех коммунистов. На заседании Севастопольского Совета Алек-

сакис, только что избранный председателем Совета, предложил организовать военное обучение всех членов профсоюза. Появившиеся меньшевики пытались сорвать это предложение, запугивали собравшихся.

— Мы не скрываем опасности,— ответил им Алексакис,— мы находимся в очень тяжелом положении. Но если мы потерпим поражение, восторжествует самая черная реакция. Поэтому и предлагаем отдать все силы фронту.

Получив огромную помощь от Антанты, деникинцы в середине июня перешли в наступление на Ак-Монайском перешейке.

Продолжая борьбу, Крымский совет обороны принял решение об эвакуации. Одновременно готовились группы для подполья, подбирались явочные квартиры.

«Поговорив обо всем, что касалось будущего подполья, мы с Алексакисом договорились о встрече»,— рассказывает в книге «Наш последний и решительный бой» И. А. Козлов, тогдашний председатель Севастопольского совнархоза, и припоминает, как в самую последнюю минуту Алексакис поручил ему вывезти ценности из банка.

Почти сразу после того, как Севастополь заняли белые, Алексакис предупредил Козлова: «Контрразведка напала на твой след. Пока цел, уезжай отсюда».

«...Я должен был заехать в Харьков. Алексакис дал мне пароли и адрес явки,— пишет И. А. Козлов.— Вот и угол Мещанской улицы, на левой стороне маленькая лавочка «Торговля колониальными това-

рами». Открыв дверь, я перешагнул порог. За прилавком со скучающим видом сидела черноглазая девушка с буйной шевелюрой коротко подстриженных волос. При моем появлении она встала.

— Что вам угодно?

— Есть у вас соленые арбузы?— вместе с адресом этот пароль мне сообщил Алексакис в Севастополе.

— Еще не соленые,— услышал я мелодичный голос девушки.

Ответ был точен».

Алексакису тоже не пришлось долго оставаться в подполье. Его слишком хорошо знали. Угроза опознания и провала ходила за ним по пятам. Его отозвали в Москву.

Последний год

Приезд Алексакиса в Москву совпал с созданием первого высшего партийного учебного заведения — Коммунистического университета имени Я. М. Свердлова. Это было первое высшее учебное заведение, где должны были готовиться партийные и советские работники.

Все слушавшие Ориона отмечали его глубокое знание вопросов теории, знание марксистской литературы. Видимо, это и послужило поводом для назначения его членом учебного отдела * и лектором уни-

* Теперь — Ученого совета. Председателем учебного отдела был ректор.

верситета. Ориону предстояло читать лекции вместе с такими крупными деятелями партии, как А. В. Луначарский, М. Н. Покровский, И. И. Скворцов-Степанов, М. С. Ольминский, Ф. Я. Кон, Н. В. Крыленко.

В памяти слушательницы лекторского * курса университета П. Е. Осиповой остались лекции Алексакиса по истории социализма: «Всегда ощущалось глубокое знание им темы, не говоря уж о вдохновенности изложения».

Ориону поручено было также заведовать многочисленными краткосрочными курсами для местных работников, особенно с национальных окраин, где только-только устанавливалась Советская власть.

Но проработал в университете Орион лишь немногим более полугода.

Красная Армия готовила наступление на Крым — последний оплот южной контрреволюции. В начале 1920 года был создан временный Крымский областной партийный комитет. По просьбе секретаря обкома Ю. П. Гавена, который видел в Алексакисе одного из будущих руководителей советского Крыма, Ориона посылают в Мелитополь, где обосновался обком. Здесь Орион редактировал прифронтовую газету, организовал партийную школу.

---

* Лекторский курс был создан осенью 1919 года в результате отбора 50 лучших студентов для более длительного обучения и подготовки будущих лекторов.

В Феодосии подпольную партийную организацию создал Иван Андреевич Назукин. Перейдя линию фронта под именем Алексея Андреевича Андреева, он занялся подготовкой восстания, которое должно было начаться во время вступления Красной Армии в Крым. Вести от Назукина приходили часто, и Орион надеялся на скорую встречу с другом. Освобождение Крыма от врангелевских войск казалось близким.

...Алексакис удивился, когда его срочно вызвал Гавен.

— Что произошло? Ведь они расстались лишь час назад.

Юрий Петрович сидел подавленный и заговорил не сразу:

— Тяжелые вести из Феодосии.

— Назукин?— побледнел Орион.

— Иван Андреевич погиб. Сведения точные.

Кто-то из заключенных в феодосийской тюрьме большевиков доверил одному из освобождавшихся передать весточку на волю. Тот оказался провокатором и полученный адрес сообщил контрразведке. Враги устроили засаду и арестовали всех, кто пришел на квартиру. Среди них оказался и Назукин.

Его подвергли жесточайшим пыткам. Назукин молчал. Палачам не удалось узнать даже его подлинного имени. К смертной казни его приговорили как Андреева.

Орион бродил по улицам города, ничего не замечая вокруг; оказался на окраине, вышел в степь. Долго стоял, глядел вдаль.

Начинались теплые дни, и в степи зеленела молодая трава. Алексакис присел на прогретый солнцем камень. Где-то далеко звенели голоса, протарахтела телега. Продолжается жизнь, подумал Орион, но сколько бы она ни длилась, никогда не вернется на эту землю добрый и умный друг, веселый матрос Иван Назукин...

В конце марта Орион выехал в Москву на IX съезд партии единственным делегатом от крымских коммунистов.

Страна получила мирную передышку. Ленин сосредоточивал внимание партии на экономическом возрождении. Незадолго перед съездом Ленин выдвинул идею электрификации России и теперь в своем докладе говорил о решающем значении единого хозяйственного плана для ликвидации разрухи.

Напряженно слушал Орион слова Ленина о том, что «уменье управлять с неба не валится и святым духом не приходит, и оттого, что данный класс является передовым классом, он не делается сразу способным к управлению», что решают сознательность и твердость рабочего класса, который должен смело внедрять единоначалие в руководстве предприятиями и широко привлекать старых, буржуазных специалистов.

Едко высмеял Ленин тех, кто не хотел понять нынешние задачи. «Нельзя же все время сидеть в приготовительном классе

школы! — воскликнул он под аплодисменты делегатов.— Этот номер не пройдет... нас будут дуть и дуть во всех областях, если мы будем поступать, как школьники. Надо идти вперед».

В первую минуту Орион был ошеломлен. Отказ от коллегиального управления на заводах? Еще не так давно он ратовал за него, убежденно говорил об этом на съездах совнархозов в Вятке и Владимире, на лекциях в партийных школах. Слушая Ленина, Орион все глубже постигал огромную силу ленинского предвидения, его умение отказываться от привычного, умение увидеть то новое, что в изменившихся условиях становится единственно верным. Мелкими, неубедительными выглядели возражения немногочисленных противников единоначалия.

В Мелитополе, после возвращения со съезда, Алексакис пробыл недолго. Наступление Красной Армии на Крым откладывалось. Нападение панской Польши на Советскую Россию вынудило сосредоточить все силы на Западном фронте. Алексакис был отозван в Москву.

Здесь его ожидала совершенно новая работа.

Его вызвали в Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала к М. В. Кобецкому, ведавшему организационными делами. После беседы с Орионом Кобецкий сказал:

— Изучайте положение на Балканах, литературу, материалы партий. В Болгарии

уже есть крепкая партия, в других странах они лишь делают первые шаги. Балканы — сложный национальный узел. Вместо Австро-Венгерской монархии возникли новые государства, национальных противоречий там предостаточно.

Теперь Орион каждый день ходил в Румянцевскую библиотеку, изучал все, что было ему необходимо, следил за европейскими газетами и журналами.

Приближался II Всемирный конгресс Коминтерна, и в Москву съехались делегаты из многих стран. Орион подружился с делегатом Греции Демосфенисом Лигдопулосом.

Революционную деятельность Лигдопулос начал студентом Афинского университета. Восторженно встретив Октябрьскую революцию, он стал убежденным ее сторонником и пропагандистом. На I Всегреческом социалистическом съезде он возглавил левое крыло съезда, а на II съезде, в апреле 1920 года, добился решения о присоединении партии к Коминтерну.

— Но партию, по сути, еще надо создавать,— рассказывал он Алексакису.— Рабочий класс у нас распылен, марксистской литературы вообще нет.

Они стали встречаться почти ежедневно, часто гуляли по улицам Москвы.

В одном из домов Путинковского переулка, напротив Страстного монастыря, где еще обитали монашки, внимание Лигдопулоса привлек небольшой горельеф с фигурой мускулистого рабочего.

— «Вся наша надежда покоится на тех людях, которые сами себя кормят»,— перевел ему Алексакис текст надписи под горельефом.

— Сколько памятников в Греции,— воскликнул Лигдопулос,— изумительных созданий человеческого гения! Но нет ни одного, посвященного людям труда.

— Этот дом принадлежал банкиру Рябушинскому, одному из самых богатых людей старой России,— ответил Орион.— Символично, что такой горельеф установлен именно здесь. Не правда ли?

Орион помог Лигдопулосу изучить только что вышедшую книгу Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», знакомил его с историей революции, разъяснял ему сущность большевизма.

Открытие II конгресса Коминтерна состоялось в Петрограде, куда делегаты отправились специальным поездом. В одном купе с Орионом и Лигдопулосом оказался Мустафа Субхи. Он был весел и возбужден: в Турции к власти пришло новое правительство. Оно сулило смягчить режим и разрешить возвращение политических эмигрантов.

Действительно, через несколько месяцев Субхи и группе турецких коммунистов позволили въезд в Турцию. Но едва они сошли с парохода и ступили на родную землю, как их схватили, завязали в мешки и бросили в море...

Делегаты конгресса возложили венки на могилы борцов революции на Марсовом

поле. Вместе со всеми в шествии участвовал Ленин.

Работа конгресса продолжалась в Москве в Андреевском зале Большого Кремлевского дворца. Богатое убранство зала резко контрастировало с деловой обстановкой заседаний, скромной одеждой делегатов. Царский трон еще не был убран, и странно было видеть его тяжелый малиновый балдахин позади скромного, накрытого красным сукном стола президиума.

Делегаты подавали реплики с мест, расхаживали по залу. Ленин, примостившись на ступеньках перед ораторской трибуной, внимательно слушал выступавших, время от времени делая пометки в блокноте.

Доклады Ленина на конгрессе, его выступления в комиссиях помогли Ориону понять задачи международного коммунистического движения. Он внимательно изучил разработанные Владимиром Ильичем условия приема в Коминтерн, тезисы по национальному и аграрному вопросам.

27 июля Москва устроила праздник в честь конгресса. Алексакис и Лигдопулос вместе направились на Красную площадь. Миновав серебряную «колбасу» — аэростат, колыхавшийся на привязи слева от Театральной площади, они прошли под ярко расцвеченной аркой, сооруженной между зданиями Исторического музея и бывшей городской думой.

Серую громаду Верхних торговых рядов украшали флаги и лозунги на иностранных языках. А напротив, чуть впереди

братских могил борцов революции, вырос большой зеленый «холм». Его чуть ли не за одну ночь соорудили курсанты школы военной маскировки. На склонах «холма», на «траве» из крашеной мочалы, валялись обломки пушечных колес, обрывки проволочных заграждений, разбитый барабан как свидетельства побед Красной Армии на фронтах гражданской войны. Внутри «холма» разместили радиостанцию, и дежурные радисты с гордостью поясняли: «Можем принимать радио даже из-за границы».

Вдоль Кремлевской стены протянулась выставка военных трофеев. Делегаты осматривали захваченные Красной Армией английские и французские орудия разных калибров, огнеметы, броневики, прожекторную станцию. Остановились у громоздкого танка с надписью мелом, которую сделали, вероятно, те же курсанты.

— Прочти,— попросил Ориона Лигдопулос и расхохотался, когда Алексакис перевел:

— «Подарок от Клемансо III Интернационалу».

— А на этой странной машине?

«Странной машиной» был трактор, который, как и танк, многие видели впервые.

— «Помощь Ллойд Джорджа мировой революции»!

О начале демонстрации возвестил пушечный выстрел. Шесть часов кряду шли колонны москвичей через Красную площадь, приветствуя делегатов. Экспансивные французы и итальянцы то и дело сбегали

вниз с деревянных трибун, устроенных по обеим сторонам «холма», и обнимали демонстрантов. Некоторые вливались в их ряды, шагали вместе до конца площади.

Потом начался военный парад. Четко маршировали красноармейцы с винтовками наперевес, лихо проскакали кавалеристы, промчались пулеметные тачанки. Делегаты проводили овацией несколько самолетов, пронесшихся так низко, что были видны лица летчиков. От Лобного места медленно поднялся аэростат, белым дождем сыпались с него листовки.

Вечером во всех районах состоялись концерты-митинги с выступлениями делегатов. Праздничный фейерверк расцвел над Москвой.

— Забыть такой день невозможно,— взволнованно сказал Лигдопулос Ориону, когда поздно ночью они возвращались с веселого карнавала на одной из рабочих окраин.

Вскоре после окончания работы конгресса Кобецкий сообщил Ориону, что решен вопрос о его поездке за рубеж. Через Болгарию в Грецию.

— Будьте готовы каждый день и не теряйте времени зря.

Орион расспрашивал Лигдопулоса о жизни рабочих и крестьян в Греции, запоминал характеристики различных партий и политических деятелей.

Беседы с Лигдопулосом подтвердили, что греческим коммунистам необходим опыт, накопленный большевиками в долголетнем

подполье, опыт трех революций и гражданской войны.

Ориона радовало оказанное доверие. Но все ли он сумеет сделать, чтобы оправдать его? Достаточно ли подготовился? И снова Алексакис проводил ночи за книгами.

— Зайдите ко мне завтра утром,— сказал Кобецкий, встретив Ориона в коридоре здания Коминтерна в Денежном переулке.

Он пришел за последними напутствиями, но услышал неожиданный вопрос:

— Что такое левендья?

— Греческое слово,— недоумевая, ответил Орион.

— Это я уже знаю,— улыбнулся Кобецкий.— Что оно значит?

— Непереводимое понятие. Народный идеал силы и красоты, добра и справедливости. Одновременно и чистая любовь, и уважение к матери, невесте, другу, всем людям. И — привязанность к детям. Все это вместе и в то же время нечто большее. Короче: левендья — идеал настоящего человека и настоящей жизни. Есть еще слово «левендис», так греки называют людей, жертвующих собой ради общего счастья. Скажите, а почему вы спросили об этом?

Кобецкий помедлил секунду, улыбнулся и сказал:

— Лигдопулос утверждает: Орион — это левендья!

— Ну, это уж чересчур,— Алексакис был растроган и смущен.

— Лигдопулосу виднее,— снова улыбнулся Кобецкий. И добавил:— Вы едете

завтра на Балканы. Ваша цель — дать объективную картину положения дел на месте. Отправляетесь завтра в Одессу, оттуда морем — в Болгарию. Лигдопулос поедет с вами. Желаю удачи.

Он крепко обнял Ориона.

В Одессе все было готово для путешествия. На небольшом суденышке предстояло не только пересечь бурное в эту пору года Черное море, но и суметь так проскользнуть, чтобы не заметили врангелевские корабли, блокировавшие советские берега. Орион знал, что два болгарских делегата — Коларов и Димитров — так и не попали на конгресс Коминтерна: их арестовала румынская морская охрана, а двое других — Кабакчиев и Максимов — попали в бурю, выбросившую их лодку обратно на болгарский берег. Вторая их поездка оказалась успешнее, но длилась она шесть суток.

Неудачной была и первая попытка Ориона и Лигдопулоса выехать из Одессы: неожиданно разыгравшийся шторм вынудил крохотное судно вернуться. Отплытие было отложено на несколько дней. Команда, с которой они успели познакомиться, казалась им подозрительной, ненадежной. Но времени подыскать иной путь в Болгарию уже не оставалось.

Едва погода позволила, они отплыли.

...Давно нет в живых никого из тех, кто принимал участие в организации поездки,

и расспросить о ней некого. И нет каких-либо документальных материалов. Во всяком случае, обнаружить их в архивах пока не удалось. Но сохранилось сообщение, опубликованное в журнале «Коммунистический Интернационал», органе Исполкома Коминтерна. В сообщении со ссылкой на западноевропейскую коммунистическую прессу говорилось, что товарищи Лигдопулос и Алексакис покинули Россию на маленьком пароходе, направившись в Болгарию, куда они должны были прибыть к 1 ноября 1920 года... «Только теперь власти Кемаль-паши сообщили, что ими в Зугульдане арестованы капитан Абдуррахман и команда пиратского судна, сознавшиеся в убийстве обоих социалистов, а также двух русских и одного болгарина. Греческие социалисты энергично протестуют против блокады держав Антанты, повинных в убийстве товарищей».

Многое неясно в этом документе. Пароходного сообщения между Одессой и Варной в то время не было, и связи осуществлялись обычно на рыбацких судах. Непонятно: напали ли пираты на «маленький пароход» или Алексакис и его спутники отплыли из Одессы на турецком судне?

Ясно одно: выполняя поручение Коминтерна, Алексакис и его товарищи погибли при переезде в Болгарию.

Сложилось несколько версий их гибели.

По наиболее распространенной, сообщенной в большинстве некрологов, их выдал провокатор, оказавшийся среди участ-

ников поездки. Но кому выдал? Почему до прибытия в Болгарию? При чем здесь капитан Абдуррахман? Эти вопросы остались без ответа.

По другой версии, инициатором убийства стал оказавшийся на том же судне белогвардеец, случайно опознавший Ориона.

По третьей версии, Орион ехал под видом купца и вез с собой матрицы каких-то изданий, свернутые в узенькие трубки. Капитан судна предположил, что в трубках спрятаны золотые монеты. Решив ими завладеть, он подговорил команду убить доверившихся ему путников. Так тоже могло быть...

Существуют и другие версии трагедии, происшедшей в Черном море в октябре 1920 года. Все они предположительны.

...Почти год миновал с того дня, когда исчезло в волнах Черного моря тело Алексакиса. Летом 1921 года в Москву на III Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала съехалось более шестисот делегатов из 54 стран. Первое слово было посвящено памяти павших.

«К именам, вписанным за прошлые годы в синодик нашей борьбы,— к именам Карла Либкнехта, Розы Люксембург и другим — за последний год прибавилось немало других, столь же славных...»

Делегаты встали. В торжественной тишине прозвучали имена:

Джон Рид,
Мустафа Субхи,
Раймон Лефевр,

Инесса Арманд,
Орион Алексакис...

Потомки, вероятно, никогда не перестанут изумляться людям первых лет революции, их яростной энергии и самозабвенности, поразительному жизнелюбию, вере в себя и друг в друга. Рыцари революции — гордость последующих поколений — они были счастливыми.

Содержание

Несколько строк вместо вступления 3
Первые страницы жизни . . . 6
Вожак севастопольской молодежи 14
Ранен у «Арсенала» 27
В «Кронштадте юга» 35
«Послан Алексакис» 51
Представитель ЦК 59
«Поручение, данное мне Секретариатом ЦК, привел в исполнение» 71
Зимой девятнадцатого . . . 80
Даешь Крым! 93
Последний год 104

Лев Менделевич Гурвич

Орион Алексакис

Заведующая редакцией *А. Т. Шаповалова*
Редакторы *Р. В. Короленко, В. А. Синайская*
Младший редактор *Н. М. Жилина*
Художественный редактор *В. А. Тогобицкий*
Технический редактор *О. М. Семенова*

Сдано в набор 1 октября 1976 г. Подписано в печать 13 января 1977 г. Формат $70\times90^1/_{32}$. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 4,39. Учетно-изд. л. 4,03. Тираж 100 тыс. экз. А01509. Заказ № 8558. Цена 12 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография изд. «Звезда», г. Пермь, ул. Дружбы, 34.

12 коп.

Когда им было двадцать

В Издательстве политической литературы вышли следующие книги:

К. Жанэ

Хусен Андрухаев

А. Дихтярь

Венедикт Ворожцов

В. Приходько

Евгений Майков

И. Шведова

Лиза Чайкина

Г. Яковлев

Николай Островский